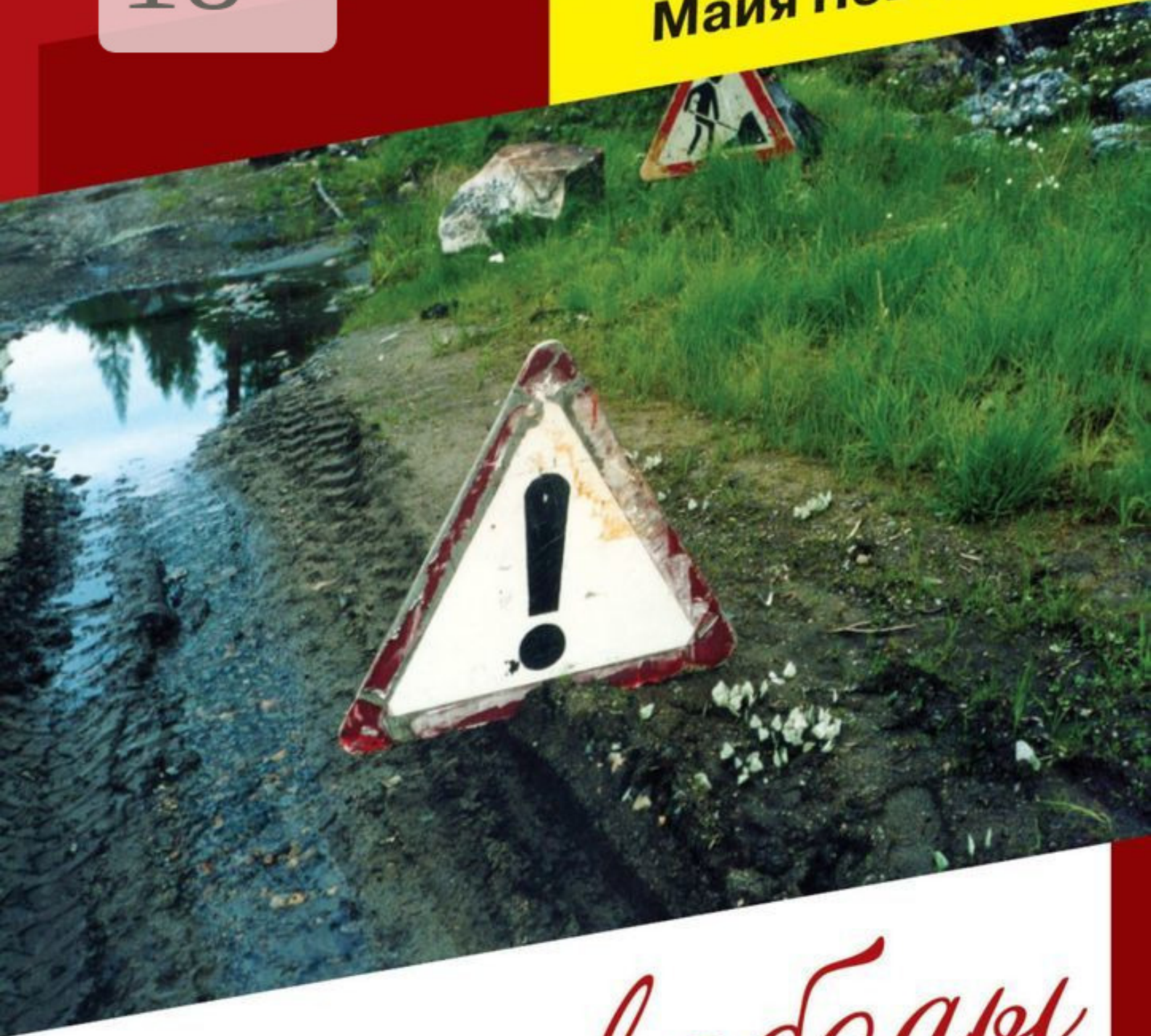

18+

Майя Новик

Зона свободы

(Дневники мотоциклистки)

Майя Новик

**Зона свободы. (Дневники
мотоциклистки)**

«Издательские решения»

Новик М.

Зона свободы. (Дневники мотоциклистки) / М. Новик —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934248-5

Это книга о свободе. О свободе передвижения и о той свободе, которая находится внутри каждого из нас. Солнце, ветер, нагретый асфальт и двадцать литров бензина в баке! Что может быть прекрасней этого? «Ничего!» — считают герои «Зоны свободы». Главное — не изменять своим принципам, любимым людям и тому, во что веришь. И тогда все обязательно закончится хорошо!

ISBN 978-5-44-934248-5

© Новик М.
© Издательские решения

Содержание

Гагры	6
Встреча	10
Кочевники	17
Насыпь	29
Эксперты	32
Тоши	38
Поцелуй	42
Закрытие	44
Гараж	48
Ссора	54
Листвянка	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Зона свободы (Дневники мотоциклистки)

Майя Новик

© Майя Новик, 2023

ISBN 978-5-4493-4248-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Майя Новик

«Зона свободы»

(дневники мотоциклистки)

роман

Ангарск

2007 г.

От автора:

Все происходящее в романе – вымысел,
любые совпадения имен
или событий случайны.

Посвящается Алексею Соловьеву

Гагры

(2002 год, 26 июня, день)

...Я прыгаю с камня на камень небольшой горной речки, которая течет на северо-западе Байкала у черта на куличках, и думаю о том, что если бы мне кто-нибудь десять лет назад сказал, что я, Алина Набатова, буду вот так скакать по белым, как старые обглоданные кости, камням, я бы рассмеялась и не поверила. Я и мечтать не смела об этих прекрасных и диких краях. Вода здесь такая ледяная, что если в нее окунуться с головой, у нетренированного человека, наверное, сразу же остановится сердце. К сожалению, я – нетренированный человек. Впрочем, недавно, то есть всего десять дней назад, я была уверена в собственной тренированности и выносливости, и даже в том, что смогу вынести любые испытания, которые преподнесет мне судьба. Но окончательно сошедшая с ума погода, северная тайга и мои спутники постарались разуверить меня в этом.

...Эту речку местные водители грузовиков-вездеходов – «Уралов» и КАМАЗов, называют Гаграми. О происхождении названия существует такая сказка: у одного из водителей жена поехала отдыхать на юг, в Гагры. Пошел мужик в рейс да и застрял на переправе: беззлобная речушка, которую он всю жизнь переезжал сходу, вдруг взбунтовалась и превратилась в злобную ведьмачку, рвущую из-под колес камни и норовившую утащить вниз грузовик.

– У меня жена в Гаграх... отдыхает! – в сердцах рубанул мужик напарнику. – А я тут!.. Отдыхаю!

Скорее всего, выразился он в отчаянии более забористо, а речка после этих слов так и осталась Гаграми на веки вечные.

Теперь здесь «отдыхаем» мы. Река даже сейчас, после проливных дождей, мелкая: на переправе в самом глубоком месте основного русла воды выше колена. Ширина всего-то пятнадцать метров. Но белое костяное ложе ее намного шире: метров сто. Голые черепа камней щедро рассыпаны по низине, которую выгрызла в твердой северной земле вода, высокие, поросшие лесом берега не дают им раскатиться в стороны, сдерживают.

На длинных, каменистых островах растет лес. Если судить по высоте деревьев и по разросшемуся кустарнику, наводнения здесь не было лет десять – пятнадцать.

– Давай помогай, чего мы сюда пришли, на реку смотреть? – слышу я сердитый окрик сзади.

Это Алексей, он едет на моем синем, сильно потрепанном за маршрут «Урале». Это единственный в группе мотоцикл-одиночка. Остальные, а кроме меня в группе еще семь человек, едут на шести «Уралах» с колясками. Впрочем, я уже не еду, я иду, а иногда, это бывает очень редко, сижу пассажиром.

Синий «Урал» подскакивает на камнях, потом вывешивается на огромной каменюке на поддоне двигателя и медленно заваливается на бок. Уставший Алексей не может его удерживать. Он что есть мочи цепляется за мотоцикл, но железо одолевает. Мотоцикл нехотя глохнет. Спотыкаясь, я бегу к нему, в висках стучит, дыхание сбивается. Лечь бы сейчас. Лечь и не двигаться. Долго-долго. Сгоряча хватаюсь за руль, тяну на себя, тяну вверх.

– Давай назад! – почти шепчет от изнеможения Алексей.

По его загорелому, красивому лицу течет пот. Синие глаза осатанело смотрят на мотоцикл. Он тащит «Урал» так же как и я, охваченный то ли отчаянием, то ли паникой. Я берусь

сзади за бугель, Алексей тянет за руль. Мотоцикл нехотя преодолевает тяготение и становится вертикально.

Я отгоняю от лица комаров. Тренькает поднятое стекло шлема, которое я задеваю пальцами. Алексей тоже машет рукой у лица в надежде, что это окажет хоть какое-то воздействие на обнаглевший гнус. Он без шлема, коротко подстриженные русые волосы упрямо торчат над лбом.

– Баллончик с репеллентом у тебя? – спрашивает он, и я торопливо шарю в карманах.

Карманов много. Слишком много. Два по бокам, в косухе, они двойные – пара обычных и пара на замках, потом внутренний, два на кителе внизу, два – на груди, еще два – на рукавах. Потом надо ощупать карманы в военных штанах, а еще есть накладные, они пришиты ниже и сбоку, там у меня лежит нож и металлический китайский фонарик.

Баллончик с аэрозолем от комаров я нахожу в кителе. Пока Алексей размазывает маслянистую жижу по лицу и шее, я держу мотоцикл, навалившись на него. Тут главное не перестараться, чтобы он не упал в другую сторону, поэтому я наклоняю его на себя и подпираю всем телом.

– Да не наклоняй ты его, сколько раз говорить, – с трудом выговаривает Алексей. – Берись за руль, стащим.

Он старается приподнять заднее колесо, я тяну за руль. Нет, вернее будет сказать, я сама держусь за мотоцикл! Мы стаскиваем «Урал» с камня, и Алексей пинает кикстартер. Мотоцикл послушно заводится.

Мне жалко «Урал», за всю дорогу он ни разу не отказал, а ведь после всего, что с ним произошло, имел полное право. Алексей едет вперед, все также подсакивая на камнях, он ищет более ровный путь, неимоверным усилием удерживает мотоцикл от падений, когда тот бьется глушителем о камни и старается завалиться на бок.

«Урал» валится все время на один и тот же левый бок. Надо было переделать глушитель. Надо было много чего сделать по-другому, но теперь нет смысла даже думать об этом, не то что говорить.

Алексей на скорости, сходу врывается в поток воды. Надо его страховать, и я снова бегу по камням, но опаздываю. Он уже на середине потока, вода перехлестывает через цилиндры, и Алексей упрямо движется вперед. От двигателя поднимается пар, вода бурлит над глушителем.

Я спотыкаюсь у самой воды, падаю на камни, фонарик больно бьет по бедру. Стискиваю зубы, и вцепившись в ногу, мутным взглядом смотрю, как Алексей преодолевает последние метры.

А он уже на берегу, на дороге, загоняет мотоцикл повыше, оставляет его и снова перебирается на этот берег. Ему еще надо перегнать «Урал» с коляской и помочь переехать другим.

– Бери ниже, там перейдешь, – говорит он мне и уходит к остальным.

Я перебираюсь через поток, набрав в сапоги ледяной БАМовской водички. БАМ!

Мы почти на БАМе.

БАМ – эти буквы написаны на снесенных мостах и дорожных знаках. Эти буквы теперь уже навсегда запечатлены в моем мозгу.

БАМ, БАМ, БАМ!

...Мотоцикл стоит, устало завалившись на подножку, отливая матовым, синим, кое-как покрашенным баком. На багажнике, поверх грязной велосипедной сумки, которую мы с Алексеем называем «Манарагой», – так называется гора где-то на далеком Урале и так написано на самой сумке, резиновыми жгутами пристегнуты туристические коврики. Они непримечательно-благополучного цвета – розовые. Когда здесь, в ста километрах от ближайшего жилья, бывало хоть что-нибудь розовое?

Сейчас это то, что нужно. Я отстегиваю коврики, кидаю их на дорогу под мотоцикл и устало растягиваюсь на «пенке». Я бы уснула, но не могу. Я боюсь. Боюсь медведей. До визга, до паники, до дрожи в коленках. Этот страх идет с детства.

Не помню, сколько мне было лет, когда отец повел меня на фильм «Злой дух Ямбуя». Наверное, лет девять, не больше. Это фильм о медведе-людоеде. Поскольку никаких триллеров в советском прокате тогда не существовало, фильм произвел на меня сильнейшее впечатление. Я изо всех сил зажмурилась и старалась забиться отцу подмышку.

Это было в кинотеатре «Победа». Я до сих пор помню гулкий темный зал, жесткие деревянные откидывающиеся кресла, которые грохотали каждый раз, когда кто-нибудь вставал, и запах отцовского шерстяного пальто. Отец отталкивал меня и шипел, чтобы не мешала смотреть.

Я поворачиваюсь спиной к мотоциклу и оглядываюсь. Справа от меня – поросший мелким сосняком холм, слева – пологий песчаный спуск заслоняют разросшиеся кусты ивняка. Возле дороги лежат два громадных бетонных кольца. Для чего они? Кто их сюда привез?

Я снова ложусь и смотрю на мотоцикл снизу. Не буду снимать шлем. Если меня загрызет медведь, то хоть голова останется. Б-р-р-р... О чем я думаю!..

Я смотрю на потеки грязи, на круглые, маленькие клепки. Какой-то чересчур настойчивый серенький мотылек, наверное, решив, что синева крыла – то ли цветок, то ли бабочка-партнерша, трепеща крылышками, старается пристроиться к клепке.

Соскальзывает с краски, но все равно настойчиво пытается присесть на холодную поверхность, больше доверяя своей иллюзии, чем реальному миру. Дурачок...

Я нащупываю во внутреннем кармане сжупканную пачку дешевых сигарет. Вытаскиваю ее и смотрю. Две штуки «Примы». Снова осталось только две штуки, и я – без табака. Поделом.

Впрочем, кто мог предугадать, что я сорвусь и снова начну курить? У меня и было-то всего две пачки сигарет с самого начала. «Прима» – это подарок дальнбойщиков. Да, собственно говоря, мне сигареты никто не дарил. Дарили мужикам, а они уже поделились со мной. А ведь могли бы и не делиться...

Так что и эти две сигареты – чудо! Их можно растянуть на четыре раза. Значит, еще четыре дня. Я вытаскиваю мятую сигарету, выпрямляю ее, как могу, и закуриваю. Невкусно. Из тощей сигареты высыпалась почти половина табака. Пустая бумага стлевет в две затяжки до середины. Ладно, выкурю все, до конца.

В конце концов, могу обойтись и без сигарет!

Я все-таки снимаю шлем, кладу его рядом и щекой прижимаюсь к уже нагретому солнцем грязноватому коврику. Солнце... Наверное, сегодня первый день, когда я вижу солнце. Слабое северное солнце...

Его лучи еле пробиваются через толщу облаков, но все же это солнце! Может быть, если дождя больше не будет, дальше станет легче? В черной куртке становится даже тепло, но я

не тороплюсь ее снимать. Здесь, блин, вам не равнина, и через десять минут куртку снова придется надеть.

Так зачем стараться? Лучше лишний раз не двигаться.

Промокшие ноги потихоньку начинают согреваться. Наверное, лучше вернуться обратно, ко всем, все равно с мотоциклом тут ничего не случится. Но ведь для этого нужно, по крайней мере, встать. Да и видеть мне сейчас никого не хочется. Вообще никого, а уж тем более остальных.

Как же так получилось, что я сама, собственными силами, преодолевая различные преграды и барьеры в виде многочисленных инстанций, выкопала себе яму и сама благополучно в нее и свалилась?

Впрочем, ямы я не копала, то есть я не знала, что это яма! Я думала, это холм, но не подумала о том, что если землю для холма где-то брать, то в этом месте и образуется яма! Я соорудила даже не холм, а целый курган, под которым похоронено все, о чем я мечтала последние годы.

И самое грустное, винить в этом некого. И парней винить в этом нельзя. Нельзя же злиться на погоду или на смену времен года. Они такие, какие есть, нормальные, крепкие ребята.

И если искать свои ошибки, то нужно начинать с начала. А начиналось все примерно так.

Встреча

(1998 год, конец мая – июнь)

...Высокий, широкоплечий парень в щегольской косухе поднимался по ступенькам на второй этаж. В руке у него был шлем, а на шее повязана бандана. Облик завершали черные джинсы и сапоги-казаки. Парень держался уверенно и чуточку небрежно.

Мы стояли вдвоем со Светланой Меньшиковой, ответственным секретарем газеты «Ангарские вести», в коридоре дворца культуры нефтехимиков нашего родного города Ангарска у большого, в полстены, окна и курили.

Я обратила внимание на парня только тогда, когда он прошел мимо, и Светка, маленькая, морщинистая Светка, чем-то похожая на старенькую обезьянку, стрельнула вдруг в него своими линиялыми голубыми глазами и вздохнула:

– Вот это зверюга!

– Что?..

– Я о парне. Мотоциклист. Эх, помню, как сядешь сзади на моцик, как обнимешь такого вот... И ничего больше не надо!

Я с удивлением посмотрела на Светлану.

Ношенные, драненькие джинсы, светлая рубашечка, кожаная жилетка, коротенькая стрижечка. Она говорила только о работе и никогда – о себе. Сейчас она смотрела сквозь стекло куда-то вдаль, намного дальше, чем позволяла серая стена библиотеки напротив окна. Куда она смотрела? Что видела? Кого вспоминала?

И я с удивлением поняла, что у нашей «тети Светы», оказывается, есть биография. И что когда-то, быть может, совсем-совсем недавно, Светка любила и была любимой. И ей нравилось подставлять лицо навстречу бьющему наотмашь ветру. И мчаться на мотоцикле сквозь ночь, всем существом своим ощущая тепло, исходящее от мускулистого, горячего тела водителя...

Она очнулась.

– Когда сдашь статью о горздраве?

– Давай, в пятницу...

Мы поговорили еще немного, и я ушла. Внизу, у крыльца, стоял мотоцикл, но я даже не обратила на него внимания. Мало ли у провинциального журналиста хлопот?

Второй раз я увидела этого парня неделю спустя. В тесной редакции все галдели, стараясь перекрыть друг друга, словно стая голодных чаек.

Я разбирала купоны бесплатных объявлений, помогая сотруднице рекламного отдела, когда, перекрывая шум, Светка, вспомнившая о том, что вчера на планерке ее не было, стала спрашивать, какие материалы я сдам в номер. Я перечисляла:

– Рекламный материал об открытии банка. Мальчик с ожогами от самодельной бомбы, информашки о чрезвычайных ситуациях, это будет во вторник, там обязательно что-нибудь еще нароем, жалоба бабушки...

– Это все не то, скандальчик какой-нибудь будет? Зиновий ничего не говорил? А где он? Где наш чертов редактор? Снова в буфете, пиво пьет?

– А может, вы о байкерах напишете? – не сразу, но я поняла, что обращаются ко мне.

Я подняла глаза. Передо мной за столом сидел и вопросительно смотрел на меня тот самый «зверюга». Не могу сказать, чтобы он произвел на меня впечатление: лохматый, и это не стиль, просто он давно не стригся, поскрипывающая косуха блестела заклепками. Маленькие глаза, крупный нос, чуть размазанная линия рта, четкий, решительный подборок.

Но и отталкивающего впечатления он не производил. Широкие плечи, прямой, дружелюбный взгляд, низкий голос.

– Простите, что?..

– О байкерах. Существует такое движение мотоциклистов, я могу рассказать, – он хотел что-то добавить, но Светка его перебила.

– Да не о чем там писать, нет там ничего интересного!.. Все уже было!

А я вдруг вспомнила.

Мне было шестнадцать, и я не хотела жить, как все. И слово «рокер» будило во мне неведомые, странные желания. И слово «Ява» манило в дорогу. Отец сказал: «Я не куплю тебе мотоцикл, убьешься. Все, разговор окончен». А я, даже поступив в институт, все еще мечтала о «Яве» и копила деньги, и сумела накопить целых двести пятьдесят рублей.

А потом... Потом наступили другие времена. И мечтать стало некогда. Это было, страшно подумать, двенадцать лет назад!

– Ну почему же нет ничего интересного, – запротестовала я. – Я напишу! Нет, в самом деле! У вас есть телефон? – спросила я у парня. – Как вас зовут?

– Антон. Антон Белецкий. А телефона у меня нет. Давайте встретимся завтра, я подъеду сюда, в редакцию. В четыре вам удобно?

– Вполне.

Ровно в четыре часа на следующий день он вручил мне серебристый открытый шлем с козырьком. Показал, как застегивать ремешок.

– Как тебя зовут? – спросил он. – Давай «на ты». Куришь? Поехали куда-нибудь, покурим...

Шлем оказался как минимум шестидесятого размера и сваливался мне на нос. Антон то поддавал газу, то тормозил. Я что есть мочи вцепилась в рукоять «Ямахи» позади сиденья или, не успев отреагировать, валилась вперед и стучалась шлемом о шлем Антона.

Ничего приятного от поездки я не испытывала.

Был канун июня тысяча девятьсот девяносто восьмого года, поздняя и какая-то мучительная весна никак не желала уступать лету, но сегодня зажимистый на теплые дни май, словно сжалившись, выдал первый в этом году теплый денек.

Антон поехал на берег Китоа. Мы пили шершавый газированный напиток из банок и смотрели на реку.

– Многие этого не понимают, – говорил Антон, – но мотоцикл – это... Это жизнь. Даже друзья не вникают. Продай, говорят, все свои моцики, купи нормальную тачку. А зачем мне тачка? Андрей Зверев, есть в Улан-Удэ такой парень, говорит так: «Лучше иметь уважаемый мотоцикл, чем неуважаемую машину». Второго мая в Улан-Удэ был первый слет мотоциклистов. Я ездил туда, представляешь, у них там свой клуб, я думал, приеду, там такие крутые аппараты, а оказалось, что мой – самый лучший, «японцев» у них вообще нет.

– А еще кто-нибудь из Ангарска был?

– Был, – равнодушно ответил Антон, – паренек еще приехал на «Урале» с коляской. Глаза у него такие странные... Я даже думал, наркоман, спросил его, а он говорит, нет, просто какая-то болезнь глаз.

Антон рассказал, что работал когда-то в Улан-Удэ, что женат, что дочери пять лет и что он собирает для нее маленький мотоцикл. Он хотел учредить в Ангарске байк-клуб, стать его лидером, организовать мотосервис, мотошколу.

Оказалось, в нашу редакцию он пришел во второй раз по очень простой причине: «Ангарские вести» были единственной газетой, которая не сделала ошибок в объявлении, которое он подал во все газеты города. Он продавал свою «Ямаху».

– Почему?

– В ней всего четыреста кубиков, хочу купить аппарат помощнее.

Потом он стал рассказывать о мотоциклах, о том, чем отличается чоппер¹ от эндуро², а спортбайк от квадроцикла, и что есть еще классики и неоклассики, дорожные мотоциклы и мотоциклы утилитарного назначения. От незнакомых названий у меня голова пошла кругом.

– Хочешь, прокатимся за город? До Иркутска?

Чего греха таить, я хотела, и мы поехали в сторону Иркутска.

Весна, она на то и весна, что с одной стороны улицы жарко, а с другой стороны еще сосульки висят, и поэтому, едва мотоцикл оказался за городом, я сразу же поняла, что до Иркутска не доеду, не заработав пневмонии. Антон, по-видимому, тоже понял, что еще прохладно для долгих прогулок, и свернул на объездную дорогу.

Новенькое шоссе позволило как следует разогнать мотоцикл. Когда из карманов моей куртки стали вылетать обрывки бумаги с записанными на них номерами телефонов, визитки, фантики и старые чеки, я заглянула Антону через плечо на спидометр.

Задохнувшись от ветра, я с удивлением увидела, что наша скорость больше ста километров. Мотоцикл без труда обогнал белую «Ладу». Какие-то мгновения пожилой водитель автомобиля и я смотрели друг на друга, а потом машина осталась позади, и я подумала, что сейчас умру. Остервенелый ветер выдирает ледяными когтями слезы из глаз, забивался в легкие, я чувствовала дрожь двигателя под мягким сиденьем, ощущала страх и одновременно – упоение...

После поездки я написала что-то восторженное. Принимая текст, Светка сочувственно вздохнула и покачала головой, где, мол, у тебя мозги-то, все ветром выдуло?

Выдуло. Напрочь. Я поняла это через несколько дней, когда поймала себя на том, что прислушиваюсь к звукам за окном. Мне все время казалось, что там ездят мотоциклы. Я еще не знала, что этот звук будет преследовать меня и днем, и ночью на протяжении многих лет. Я отодвинула пишущую машинку, на которой отстукивала очередную «сагу» для газеты, и задумалась.

А что, собственно говоря, я хочу от жизни? Мне двадцать восемь лет. За это время я успела поучиться в двух вузах, выйти замуж, развестись, сменить десять мест работы, написать не больше не меньше, как роман, побывать безработной и наконец оказаться в роли ведущего журналиста самой скандальной газеты в городе.

Я только-только оправилась от безденежья, которое преследовало меня всю жизнь. Первые месяцы после того, как попала в штат газеты, я ела. Сыр, колбасу, йогурт, как буржуй, лопала компот из ананасов! Я не ела почти восемь лет. Нет, я не объедалась, я сибаритствовала. Ну а что дальше? Чего я хочу? Бомбить власть скандалами? Трескать сервелат? Пить пиво в конце недели в буфете дворца культуры?

Тысячу лет назад я хотела купить мотоцикл. Что мешает мне сделать это сейчас? Ничего. Редкий вариант существования, когда желания совпадают с возможностями. Правда, я никогда

¹ Чоппер – большой, мощный хромированный мотоцикл для неторопливого дефилирования по городу. Отличается короткими подвесками, особой посадкой и высоким рулем. Яркий пример чоппера – «Харли Дэвидсон».

² Эндуро – мотоцикл, предназначенный для езды по разбитым дорогам и по гравийным дорогам. Отличается длинноходными подвесками.

ничего не водила и понятия не имею, с какой стороны у мотоцикла находится карбюратор! И отец тут точно ничем не поможет. Никто по большому счету не поможет.

Можно купить «Яву», книга по ремонту мотоцикла «Ява» стоит на полке и уже десять лет ждет, когда я ее освою. В каком-то упоении от своего решения я пошла шарить по заначкам. Я ничего не откладывала специально «на черный день», но что-то все-таки должно было накопиться. Так, пятьсот и еще пятьсот – миллион, здесь двести, триста, четыреста... Итого миллион четыреста семьдесят, ну семьдесят надо оставить, зарплата только через пять дней. Миллион четыреста...

Я взяла справочник и обзвонила все водительские курсы. Я понятия не имела, сколько денег мне понадобится, чтобы сесть на мотоцикл, сколько он стоит, куда его ставить и кто мне может помочь. Но, как говорят, главное связаться в драку! А там посмотрим.

– Помнишь, я просил тебя написать объявление, чтобы ангарские мотоциклисты собирались по средам у стадиона «Ангара»? – Антон появился в редакции неожиданно. – Так вот, мы собираемся! И нас не так уж и мало. Если хочешь, приходи, посмотришь, может, напишешь. Какой мотоцикл лучше брать? Бери «Урал» или «Днепр». Хочешь «Яву»? Зачем, у нас никто не ездит на «Явах»! А с «Уралом» тебе помогут. Кто? Ну попросишь кого-нибудь...

Это была туманная перспектива...

...Стоял теплый вечер, солнце стремительно падало за серый куб спортзала, растрескавшийся асфальт был изрезан черными ножницами теней. Хрусталь небес плыл высоко над головой, и дышалось легко и беззаботно.

Но, увидев мотоциклы и сгрудившихся вокруг парней, я словно споткнулась. Меня охватило смущение. Что мне делать? Взять и подойти просто так? Ага, сказать: «Здравствуйте, я Алина, я никогда не видела вблизи двигатель внутреннего сгорания, но я хочу купить мотоцикл», или так: «Это я написала ту самую статью»? Ну в самом деле, некоторым из парней не было и двадцати, а вон, вон там вообще какой-то подросток...

Я обошла собравшихся стороной и остановилась в тени тополей. Ребята что-то горячо обсуждали, переходя от мотоцикла к мотоциклу. Вдоль бордюра стояли «ИЖи» и «Уралы» с колясками, «японцев» не было.

Антон подъехал через десять минут, когда я беспокойно докуривала третью сигарету.

– А вот и Алина! – воскликнул он, увидев меня. – Парни, знакомьтесь, это тот самый человек, благодаря которому мы собрались.

– А нам Антон сказал, что вы хотите мотоцикл купить, – подскочил ко мне кто-то худой и высокий, в кожаной куртке и в черной бандане. – Какой мотоцикл будете брать, не решили еще? Берите «Урал»!

– Я вообще-то хотела «Яву»... – пролепетала я, немного ошарашенная таким напором.

– «Живую» «Яву» сейчас в городе не найдете, если хотите двухтактник³, берите «ИЖ» или «Восход». Да зачем они вам? Не байкерские это мотоциклы, из «Урала» хоть чоппер сделать можно, отстегнете коляску, будете на одиночке рассекать!

Я растерянно оглянулась. Компания на площадке собралась разная, от пятнадцати до тридцати лет, кто-то из молодых людей был одет в кожу, кто-то в яркую майку, кто-то приехал в спортивном костюме. Антон своим прифранченным видом и хромированным мотоциклом привлекал к себе внимание в первую очередь. Он и физически выделялся – был выше

³ Двухтактник – мотоцикл с двухтактным двигателем. Например, ИЖ или «Ява».

и плечистее всех. Впрочем, вскоре на площадке появился еще один человек, он пришел пешком.

– Это Радик, моя правая рука, – представил его Антон, – я доверяю ему, как себе.

У Радика была совершенно бандитская внешность – рослый, под стать Антону, коренастый. Он был наголо выбрит, крупные, красивые, тяжеловатые черты лица несколько портила проступающая красная сетка капилляров. При этом как-то сразу чувствовалось, что в его присутствии вам ничего не угрожает. У него был высокий, прерывающийся голос.

– Вы Алина? – весело спросил он меня, – это вы писали про этого остолопа? Ну-ну! Да ладно, Антоха, не злись! – он засмеялся.

Все были как-то очень оживлены, словно старые друзья не видели друг друга много лет, и вот наконец собрались все вместе, и теперь это событие не грех и отпраздновать. Это было предпраздничное возбуждение, какое бывает, когда столы уже накрыты, а гости проголодались и ждут приглашения.

И вдруг я почувствовала, как кто-то тихонько тянет меня за рукав. Я оглянулась и окунулась в небо. Даже голова закружилась. Мир горний неожиданно строго глянул на меня прозрачными, синими глазами невысокого ладного парня. Яркая футболка, бледно-голубые, почти белые, без единого пятнышка джинсы. Короткая стрижка, русые волосы.

– У вас есть шлем? – тихо спросил он.

– Что?.. – я еще не вернулась на землю, и смысл сказанного до меня не дошел.

– Шлем. Сейчас все поедут к Антону в сервис, вам нужен шлем, возьмите, у меня есть запасной.

Маленькой, крепкой, короткопалой рукой он подал мне черный шлем.

– Другого у меня нет, – извинился он, – это «черпак» из полиэтилена. Да вон посмотрите, половина ребят в таких ездит.

Я не успела рассмотреть, кто в чем был.

– Ну что, едем? – зычно крикнул Антон.

– Поехали! По коням! Айда! – раздалось в ответ.

Парни устремились к мотоциклам, на ходу застегивая куртки, мастерки, шлемы.

– Садись ко мне, – крикнул, перекрывая рев двигателей, Антон. – Со мной безопасно, ездюков везде хватает!

Но прежде, чем мотоцикл сорвался с места, я успела спросить:

– Парень такой невысокий, глаза... как у Христа?

– Это Леха, – откликнулся Антон. – Помнишь, я говорил тебе о парне, который тоже ездил в Улан-Удэ? Это он.

В дамских романах, когда героиня встречается с героем, она обязательно чувствует что-то необычное: у нее сбивается дыхание, сбоят сердце, женская интуиция или какое-то там семьдесят восьмое чувство начинает вопить – это он! Это он! Ничего подобного. И не то, чтобы я забыла полет в небеса, просто не восприняла это всерьез.

Он был младше меня, ему было двадцать четыре, но дело было не в возрасте. Он был совсем зеленый, наивный, невинный, подберите любое слово для обозначения чистоты и безгрешности и вы угадаете, каким он был.

Он жил с родителями в частном доме в поселке Северный недалеко от старого китойского моста. Он никогда не уезжал из дома. Ему говорили копать огород, и он копал. Ему говорили, что нужно строить баню или красить забор, и он строил и красил. Он никогда не делал ничего против воли родителей. Об этом не нужно было спрашивать, это становилось ясно, когда вы просто на него смотрели. И это продолжалось до двадцати четырех лет.

В этот год он купил себе черный хромированный «Урал-Соло» и косуху.

Он позвонил мне через неделю.

– Вы серьезно хотите купить мотоцикл? – спросил он своим тихим, спокойным, очень мужским голосом.

– Вполне серьезно. Я уже хожу на водительские курсы.

– Но ведь там учат ездить только на машине, ездить на мотоцикле вам придется учиться где-то еще.

– Да, наверное...

– Если хотите, научу. Хотите?

– Да!

– Давайте сегодня вечером на картодроме в пойме Китоля. Только первый урок, чур, на «Урале» с коляской, – нужно понять, что такое ручка газа и как вообще двигается мотоцикл.

– Надо, так надо, – я была покладистой.

– Куда мне подъехать?

Я хотела было назвать адрес, но передумала. Если родители увидят меня на мотоцикле, без нравучений не обойдется.

– Давай на остановке «Аэрофлот».

– Я приеду в шесть, – сказал он не терпящим возражения тоном и повесил трубку.

– Я всегда хотел мотоцикл, – рассказал он мне позже, – сначала мне хотелось купить «Минск», потом «Восход». Я даже денег на него накопил, но родители были против. «Что это за мотоцикл? – сказал отец. – Только песни возить, какой от него в хозяйстве толк? Надо брать „Урал“ с коляской». Они даже недостающую сумму на покупку дали. Выбирали все вместе. Поездил я на нем один сезон и понял: что-то я не то купил... Нет, мотоцикл отличный, погрузить в него можно много, в дальней дороге незаменим. Куражу в нем только нет! Посмотрел я в Улан-Удэ, что ребята без колясок ездят, приехал обратно и заявил родителям, что коляску отцеплю, а мотоцикл переделаю. Тут они поняли, что лучше бы мне купить другой мотоцикл... И я купил «Соло».

– Ну и как?

– То, что надо!

До «Соло» я допущена в первый раз не была, ездила на синем, неповоротливом «Урале» с коляской.

Он был почти новый, ухоженный, от частого мытья на коляске и на баке стерлись белые декоративные полоски и немного потемнела краска. Впереди на коляске была наклеплена странная большая наклейка: женские губы.

– Очень удобно, – объяснил Алексей, заметив мой недоуменный взгляд, – гаишники сразу по наклейке запоминают. Один-два раза весной останавливают, убедятся, что с документами все в порядке, техосмотр есть, и потом даже не смотрят в мою сторону.

Сложно описать то, что я почувствовала, в первый раз сев за руль. Тяжесть мотоцикла, его непредсказуемые рывки и деликатное желание Алексея помочь.

Неуклюжий, тяжелый мотоцикл ехал не туда, куда рулила я, а туда, куда ему самому хотелось ехать. Я выламывала руль, заставляя его подчиниться. Он глох три раза за минуту.

Алексей терпеливо слезал с заднего сидения и топал кикстартером, снова и снова заставляя двигатель работать. Когда я совсем уже не могла справиться с синим монстром, он, стараясь ненароком не задеть меня, наклонился вперед, дотягивался до руля и выравнивал мотоцикл.

В перерывах между моими попытками укротить грузное чудовище мы садились прямо на теплый асфальт и болтали.

Алексей старался быть остроумным и рассказывал вычитанные в журнале байки о мотоциклах. Он не курил и вежливо старался не замечать мои сигареты.

– Ты ездил в Улан-Удэ, – я постаралась вернуть его от сказок к реальности. – Расскажи лучше об этом.

Он застенчиво улыбнулся. Хорошая у него улыбка. Так улыбаются люди, которые думают, что мир – прекрасная штука, так улыбаются только те, кого еще не разуверили в этом. Его улыбка освещала изнутри лицо и глаза, которые на мгновение становились чуть прозрачнее. Губы открывали белоснежные, как рафинад, зубы.

Улыбка его необычайно притягивала, вызывала безотчетную симпатию. Уже позже я не раз наблюдала, как черствые, грубые люди словно оттаивали и начинали улыбаться, просто поговорив с ним и увидев, как улыбается он. Исключений из этого правила не было.

– Знаешь, я даже родителям не сказал, куда еду, сказал, что поехал на турбазу отдохнуть на выходные. Сперва страшно было за мотоцикл: доедет, не доедет? Все же пятьсот километров в один конец. В кармане денег – только на бензин. Да еще холодно, начало мая. Но потихоньку поехал, нормально. На какой-то речке остановился, пообедал, котелки у меня были, продукты тоже. А потом попутчика себе нашел – какого-то бурята, он попросил до Улан-Удэ довезти. Я думал, он до ближайшей деревни хочет доехать. А он ездил в Иркутск к родственникам, работу искал. Ну обратно в Улан-Удэ возвращался. Мы на перевале заночевали, там речка была маленькая, костер разожгли, он мне песни бурятские пел, красиво так... Я спал прямо на мотоцикле, на сидении, замотался в одеяло. К утру замерз, встал, гляжу, кругом иней...

– А в Улан-Удэ?

– Его довез, приехал к автодрому, как написано было в объявлении в мотоциклетном журнале. Они объявление дали, мол, байк-клуб проводит открытие сезона. Приехал, а там никого нет! Тоже мне, организаторы – всех позвали, а сами проспали! Приехали часа через два. Я там еще поспал, тепло уже стало. Там я с Антоном и познакомился.

...Потом он стал рассказывать о неведомом Турунтаево и о турунтаевцах, которые почему-то не приехали на слет, и поэтому лидер улан-удэнских байкеров Андрей Зверев вечером решил съездить к ним в гости. Из Турунтаево все поехали на речку.

Алексей уже умаялся, промерз, сказывалась бессонная ночь. Местные решили попить водочки, а Алексей, смекнув, что ночевать у костра второй раз – не самое лучшее дело, вернулся с новыми знакомыми обратно в город и заночевал у кого-то из местных.

– Серега его зовут, не помню фамилии. Вот у него – «Урал»! Бак, дуги, руль, все в хrome! Он оторва! Натуральная оторва! Где он только не был! Он в прошлом году до Ирбита хотел доехать. Не вышло, мотоцикл развалился. За зиму новый сделал, чтобы снова ехать.

Утром Алексей посмотрел на похмельные рожи товарищей и понял, что пора домой. За все это время он выпил только банку пива.

– Я выехал почти в час дня, а в десять вечера был уже в Ангарске. И это на «Урале» с коляской!

– Родители узнали?

– Узнали... Серега поехал в Ирбит, под Иркутском у него сломался «Урал». Он оставил жену охранять мотоцикл, дал ей топор, а сам поехал в Ангарск. Сначала искал Белецкого, не нашел, тогда поехал ко мне в Северный.

Прихожу я вечером с работы, а там Серега сидит и заливает моим: вот, мол, Леха в Улан-Удэ приезжал, адрес оставил... Родители говорят: «Ну иди сюда, рассказывай про турбазу...»

Через два часа он спохватился.

– Ты извини, мне домой надо. Частный дом, работы много, не обижайся, ладно?

Он быстро довез меня до остановки, бросил «Пока!» и исчез.

Кочевники

(1998 год, июль)

...Странное это было лето. Днем я строчила репортажи и интервью для газеты, вечером неслась на курсы водителей или к «Ангаре». Вся редакция с интересом следила за развитием событий. Я перестала тратить деньги, умудрялась откладывать на покупку мотоцикла почти всю зарплату, перебиваясь редиской с родительской дачи и чаем. Дни летели, слово стрижи по небу крылом чиркали. И однажды Алексей осторожно спросил:

– В следующие выходные возле турбазы Култушная на Байкале улан-удэнцы проводят мотослет. Наши тоже поедут. А ты как? С кем поедешь?

И только тут я поняла, о чем он спрашивал. Наши отношения за это время никак не продвинулись.

– Ты едешь... с Антоном?

– Ну нет! Антон едет с Ириной.

– Я думал, его жену зовут Марина.

– Ну жену-то, может быть, и зовут Марина, только едет он с другой.

Я удивленно смотрела на Алексея. А я-то даже и не сообразила, почему он держится на таком расстоянии! А что он, собственно говоря, должен был про меня подумать? А? Вот, то-то и оно!

– Поедешь со мной? – нерешительно предложил он.

– Поеду, – просто ответила я.

Странно, но в тот момент у меня не возникло ни тени сомнения по поводу предстоящей поездки. Отчего-то казалось, что с этим невысоким пареньком можно ехать куда угодно и ничего не бояться.

– Вот только теперь мне тоже нужно будет «шифроваться» от родителей. А то у меня мама в обморок упадет, если узнает, что я еду куда-то на мотоцикле. Хорошо?

Он только глянул на меня своими синими глазищами и кивнул.

Я даже не знала, чего именно я ждала от поездки. Но что-то, несомненно, ждала. Новых ощущений? Да, и этого тоже. Я долгое время жила в некотором замкнутом пространстве, и даже удачно найденная профессия не так уж и сильно раздвинула мой мир.

Я никогда не могла ездить на машине, меня укачивало, и даже самая недолгая поездка вызывала мучительные приступы тошноты.

Когда меня звали куда-нибудь съездить, я сразу же с содроганием вспоминала удушливый запах несгоревшей солянки в раскачивающихся, неудобных «Икарусах», спертый воздух, жару или холод в зависимости от времени года.

И то, что все форточки в салоне автобусов летом невозможно открыть, и что печки в них не отключаются до середины июня, пока в этом адовом пекле дети не начинают падать в обморок, а женщины – хвататься за сердце.

И что в самую лютую стужу, когда над дорогой от мороза молочным киселем стоит туман, через десять минут поездки в автобусе появляется ощущение, что ты стоишь босыми ногами на голом листе железа. Что в электричках все то же самое, плюс к этому все они отходят на Байкал в пять – шесть часов утра, а это означает, что вставать надо как минимум в четыре, потом ломиться в переполненный автобус, который идет до вокзала, или, опаздывая на электричку, бежать через черную, тревожную тишину лесополосы. Толкаться на перроне локтями и коленями, стараясь влезть в двери и занять место. Объяснять попутчикам, почему нужно закрыть окно, когда за окном осень...

В общем, я не герой и подвергать себя всем этим испытаниям никогда не хотела. С мотоциклом все было проще: сел и поехал. Так, по крайней мере, мне казалось тогда.

Оставшиеся до поездки дни я с тревогой следила за погодой. Синоптики говорили о надвигающемся циклоне. Мама была на даче, а отцу я сказала, что еду на турбазу.

Я понимала, что ложь быстро раскроется, но пусть родители узнают о путешествии потом, когда поездка будет позади, чем волнуются все выходные.

Палатку и спальник я выпросила у Зиновия. Выдавая мне хитрый инвентарь, его жена Вера объяснила, как ставить палатку. В свернутом состоянии она была не длиннее пятидесяти сантиметров и не толще пятнадцати.

– Она, собственно говоря, одноместная и очень маленькая, – сказала Вера. – Не промокает абсолютно. Вдвоем тесновато, но жить можно. Плохо только то, что она совсем низенькая, но вам ведь там не месяц жить, на пару дней хватит. В принципе, в ней тепло, а если будет холодно и станет совсем неважно, зажги буквально на десять минут свечу, воздух в палатке быстро нагреется. А это спальник.

Спальник странного коричневого цвета был каким-то очень тоненьким.

– Не смотри на него так, он синтепоновый и теплый. У тебя «пенка» есть? – спросила меня Вера.

– Что?..

– «Пенка». Ну коврик такой, чтобы спать и не замерзнуть. На улице-то вон что творится. А Байкал всегда Байкал, даже летом.

– Нет, нету! – испуганно ответила я, косясь на окно, за которым ливнем лил дождь, а температура упала до тринадцати градусов.

– Целый я тебе не дам, мы сами едем в выходные на Оху. Но у меня есть обрезок, – Вера вытащила из-за шкафа что-то розовое. – Держи. Вот досюда хватит, – она выразительно показала, куда именно хватит коврика, – ногами придется пожертвовать, но ноги, в общем, в отношении простуды не так уж и важны... Почки намного серьезнее.

Шлепая домой по лужам, я с ужасом думала о предстоящей поездке и не понимала, что же мне нужно надеть, чтобы не замерзнуть.

«Надену свитер, нет, два и еще рубашку! И футболку! Нет, две футболки. И трико! И шерстяные носки. А еще придется взять шарф и вязаную шапочку! Сверху надену кожаную парку, она длинная. Надо бы еще резиновые сапоги... А вдруг станет тепло? Я буду странно выглядеть в резиновых сапогах. Значит, надену мамины ботинки. Они вроде бы не промокают... И перчатки! А еще надо обязательно взять денег, мало ли что...»

В таких «оптимистических» мыслях я провела всю ночь перед поездкой.

– И куда мы все это будем привязывать? – с юмором спросил Алексей, когда увидел меня с сумками.

Упрек был справедлив, нужно было куда-то разместить палатку, спальник, сумку с вещами, сумку с продуктами, обрезок коврика и меня.

Впрочем, с некоторым злорадством я увидела, что вещей у него никак не меньше. К мотоциклу, вернее, к самодельной спинке, которую Алексей прикрутил только вчера, уже были привязаны сумка, солдатский вещмешок и какой-то пакет.

В пакете оказалось шерстяное одеяло. Одет Алексей был явно не для Байкала. Косуха, джинсы и туфли. Вместе мы представляли собой довольно комичное зрелище.

Возились мы долго, но к мотоциклу приторочили все. «Соло» стал похож на этажерку. Вещмешок привязали на бак. Остался пакет с одеялом. Одеяло вытащили, прикрутили к спинке, сверху натянули пакет – от дождя.

– Поехали? – спросил Алексей, когда я кое-как втиснулась между ним и одеялом.
– Поехали! – пискнула я.

И мы поехали. Пока только до «Ангара», где был назначен общий сбор.

Нас встретила пустая площадка.

– Вообще-то, уже одиннадцать, – недоуменно протянул Алексей. – Где остальные?

Я рвалась в бой, то есть в дорогу, но Алексей был неумолим.

– Надо ждать, а то неудобно получится.

– Но в двенадцать нас ждут иркутяне!

Через десять минут вдали показался свет, значит, это ехал кто-то из наших. И точно, возле нас притормозил Денис. Он тоже хотел ехать, но его «Соло» был не зарегистрирован, без номеров.

– Здравствуйте! – сказал он, заглушив мотоцикл. – А где Мотороллер?

Мотороллером ребята между собой называли Антона. Как оказалось, тот раньше долго ездил на японском мопеде и даже ремонтировал их. Сам себя Белецкий гордо именовал Полковником.

– Не знаю, ждем.

– Я не могу ехать на этом, – Денис кивнул на «Соло», – а он мне обещал свой второй мотоцикл – «Кавасаки». Ты не знаешь, у него есть телефон? Нет? Я тогда с вами подожду, ладно?

–

Я снова стояла под тополями и посматривала на небо. Низкие, мутноватые облака резво бежали по небу и не обещали ничего хорошего. Надо бы ехать сейчас, пока не пошел дождь...

Антон появился только без двадцати двенадцать.

– Я еще не завтракал даже, – не терпящим возражения тоном сказал он. – Почему опоздал? Пропсал. Сейчас поеду, поем, заеду за Иришкой. Денис, ты со мной?

Они укатили, а мы остались. Алексей укоризненно покачал головой.

– Там ведь ребята ждут, а он спит... Не понимаю.

– Поехали? – с надеждой спросила я.

– Поехали... – он пнул кикстартер, сел на довольно забормотавший мотоцикл, подождал, пока я устроилась сзади, и – дубль два! – мы поехали!

Он остановился, как только мы выехали на Московский тракт⁴.

– Я тебя очень прошу, не дергайся, когда я маневрирую, сиди спокойно. Ты сползаешь вперед? Отодвигайся, когда я еду прямо, хорошо? Специально наклоняться в поворотах не надо. Сиди, как сидишь, и ничего не делай! И я прошу, держись вот здесь, да хоть за сумку, хоть за спинку, когда я торможу. Ясно?

– Хорошо, – я не знала, куда деваться от стыда, но я и в самом деле сползала вперед, и мне все время приходилось отодвигаться от Алексея.

Не то чтобы мне было неприятно прижиматься к нему, скорее, наоборот, но все же было как-то неудобно... Если бы тогда я знала, что за рулем «Соло» он только вторую неделю и что до этого он никогда раньше не водил мотоцикл-одиночку, я бы, наверное, смотрела на все иначе. Но я этого не знала. И слава Богу!

Ветер выхлестывал слезы из глаз, черный, крашенный нитрокраской «черпак» то и дело приходилось поправлять, но все это было ерундой по сравнению с предстоящим путешествием. Разлохмаченные ветром березы проносились мимо, мокрый асфальт блестел, как намазанный маслом, а проходящие мимо машины обдавали нас брызгами воды и грязи.

⁴ Московский тракт – трассы М55 и М53

– Где вас черти носят? Леха, ты почему один? А остальные где? – так встретили нас иркутяне. Их было всего четверо на трех мотоциклах.

– А, Белецкий проспал, так что они позже поедут. Белецкого дожидаться не надо, сказал, догонят. Будет два мотоцикла: он и еще Денис.

– Тогда по коням? По ко-о-ням!

– По ступам! – крикнул кто-то, и все засмеялись.

...Итак, нас было шестеро на четырех мотоциклах. Мы как-то очень быстро выбрались из Иркутска, и наша маленькая колонна выстроилась следующим образом: первым ехал Руслан, у него был холеный, крашеный в сервисе серый «Урал». Двигатель, отполированный до зеркального блеска, сиденье «ступенькой» приводили в трепет знатоков. Руслан был почти брюнетом, с маслянистыми, темными, как у мексиканца, красивыми глазами и большим ртом. Он был влюблен в свой мотоцикл и имел на это полное право. А еще он был обладателем «модного» итальянского закрытого шлема-интеграла⁵ ярко-красного цвета и кожаной коричневой куртки.

Вторым ехал Виктор Макаров. С ним я уже была знакома. Он приезжал в Ангарск и показывал, как можно на «Урале» крутить «восьмерку», которая рассчитана на «Восход». Он был совсем молод, только что отслужил. Высокий, по юношески стройный, длинноногий. К плечам его тело вдруг разворачивалось накачанной мускулатурой. У него были светлые, рыжеватые волосы, вытянутое лицо. В косухе, в военных штанах и берцах он был похож на классического «киношного» немецкого солдата, а когда он сидел на мотоцикле, сходство увеличивалось. Не хватало только автомата и немецкой каски. Наверное, он знал об этом и «Урал» построил себе под стать, – серое громадьё было похожим на мастодонта. «Рогатый» руль он рассчитал и выгнул сам, сзади мотоцикл зрительно увеличивали большие квадратные кофры. Вместе со своим «Уралом» он казался выходцем из какого-то фантастического фильма, вроде «Безумного Макса».

Потом ехали мы.

Четвертый мотоцикл оказался старенькой, чахоточной «Явой» синего цвета, на которой ехали двое: некто Эдик, владелец мотоцикла, и некто Илья. Пару они составили только потому, что у одного был мотоцикл, а у второго – «права».

Я глядела вокруг во все глаза, потому что понимала: такого я больше никогда не увижу. Даже если проеду здесь еще сотни раз, это будут другие поездки, и время будет другое, и я, я – тоже буду другой. Так что нужно смотреть и запоминать.

Машины фур вдруг, в последний момент резко уходили в сторону, автомобили, сигналив, пронеслись мимо так быстро, что я даже не успевала их рассмотреть, мельчайшие капли воды висели над дорогой, оседая на мотоцикле, на одежде, на очках, сама дорога, окутанная завесой влаги, с ее обочинами, с бесцветными, словно забытыми, безлюдными деревеньками, мелькавшими по обе стороны, неслась нам навстречу. А потом начался Култукский серпантин, и я вцепилась что есть силы в ремешок сиденья, потому что одно дело ехать по этой дороге на неторопливом автобусе и совсем другое – нестись на заднем сидении мотоцикла в компании молодых, отчаянных байкеров. Я боролась с приступами головокружения, и дело было не в страхе. Мир вдруг обрушился на меня всеми своими запахами, всеми ощущениями, мне было очень холодно, но нужно было терпеть, мне было страшно, и одновременно, я испытывала самый бешеный восторг, холодный воздух набивался в легкие, но хотелось кричать и петь. Тогда я еще не знала, что все это – вкус самого прекрасного напитка, в состав которого входят запахи дождя и нескошенной травы, бензина и кожи, мокрого асфальта и влажного песка на узкой обочине. Сюда входят звуки клаксонов маленьких спортивных машин и мощный

⁵ Шлем-интеграл – шлем с подбородочной дугой и закрывающимся стеклом.

рев груженных КАМАЗов, выхлоп мотоцикла и звук, с которым на скорости врезается в шлем бабочка, хруст гравия под колесами и камень, отлетающий из-под колеса встречной машины. Сюда входил скупой на краски лес, который тянулся вдоль дороги: и редкие мрачные ели, и ясные, высокие сосны, и белый, костистый березняк. Сюда входили сопки, реки и овраги, отчаянные виражи и крутые спуски, на которых закладывало уши, затяжные подъемы, которые «Урал» преодолевал с трудом. Сюда входили обгоны по встречной, гулкие мосты, от перил которых отражался звук мотоцикла, шлейфы грязи, тянущиеся за грузовиками, и туман, холод от которого проникал до самого сердца.

Мы летели вперед, не оглядываясь, не останавливаясь и ни о чем не думая. Мы были похожи на кочевников, которые отправились искать для своего племени земли новые, никем не открытые.

Дорога оборвалась внезапно. Она просто срезала с одной стороны последнюю сопку перед Байкалом, небеса распахнулись, и дальше было только небо, вода и облака. Внизу, под сопкой, на узкой полосе между горами и Байкалом, тянулся Култук.

– А где Эдик? – спросила я, когда мы остановились на смотровой площадке.

Дорога над обрывом разворачивалась на сто восемьдесят градусов, посередине поворота был единственный разутюженный фурами пятачок, на котором можно было без опаски остановиться. Слева уходил вверх поросший молодым березняком склон горы.

– Сейчас будет, «Ява» у него не тянет ни фига, – ответил Виктор, сплевывая под ноги. – Слазьте, будет обед и будет ремонт, а то мы с этой «Явой» никуда не уедем.

Мы успели сгношить костерок и поставить на него котелок с водой, когда подъехала «Ява». Уставший Эдик стащил с себя шлем, сдернул с лица бандану, светлые волосы сосульками падали на лоб.

– Не могу, совсем не едет, – пожаловался он.

– Будем смотреть, – спокойно сказал Виктор. – Ключи у тебя есть?

– Не—а...

– Ну ты даешь...

Парни полезли по бардачкам и багажникам, зазвякали инструменты. Я грелась у костра, от влажных джинсов шел пар.

Внимательно осмотрев зажигание и погнав мотоцикл на всех оборотах, Виктор вынес вердикт:

– Глушак забит, прожигать надо, снимай глушак.

Пока возились с мотоциклом, вода в котелке закипела. Я вытащила заварку, Алексей ножом открыл тушенку, достали кружки, сахар, хлеб. Парни закатали в костер глушитель, чтобы выжечь нагар, так мне объяснил Алексей.

Вскоре пятачок на смотровой площадке стал напоминать маленький Ноев ковчег. Рядом с нами остановились два «Ленд Ровера» цвета сафари. Прикрепленный на крыше груз говорил о том, что владельцы собрались далеко. Подъехали два «Мерседеса». Оказалось, что на «Ленд Роверах» едут поляк, австралиец и француз, а «Мерседесы» перегоняют монголы. Мотоциклы у всех вызвали интерес. Бородатый австралиец подскочил к нам с видеокамерой, француз стал фотографировать мрачные наклейки с черепами на баке у Виктора. Монголы, оживленно переговариваясь, окружили обездвиженную «Яву». Тут же появились и наши автотуристы, они стали расспрашивать, куда и откуда мы едем, и какого, собственно говоря, черта мы тащимся на Байкал в такую погоду. Мы с удивлением наблюдали за происходящим. Обжигаясь горячим чаем, я судорожно пыталась вспомнить хоть одну фразу на английском, но поняла, что ничего не помню. Иностранцы с любопытством наблюдали, как Эдик и Илья ветками вытаскивали покрытый слоем копоти глушитель из костра и катили его под горку к «Яве».

– Рашн техник! – засмеялся один из них, бородатый мужчина в коротких шортах, футболке и жилетке со множеством карманов и поднял вверх большой палец.

– Не русская, а чехословацкая! – зло пробурчал в ответ Эдик, но вряд ли иностранец его понял.

А дальше снова была дорога. Свивающееся кольцами шоссе шло по сопкам рядом с Байкалом. Безразличное ко всему стальное зеркало озера то и дело блестело сквозь негустую листву тополей, мелькали полосатые отбойники, желтые скальники нависали над дорогой, и куда-то по сопкам шагала-торопилась громадная линия электропередачи.

После Байкальска мы попали в полосу плотного, липкого тумана, одежда стала влажной. Ноги у меня замерзли еще до Култука, теперь холод проник до костей, он сковывал мышцы и суставы. У меня затекла спина, устали руки и одеревенели ноги. Иногда я старалась размяться: выпрямляла ноги, поднимала вверх руки и чуть-чуть, так, чтобы Алексей не почувствовал, поворачивалась, но это помогало ненадолго.

Холодно! Ой, как холодно! Теперь я понимала жаргонное байкерское слово «нажопник», – так мотоциклисты называют пассажира. Алексею не так холодно, я его грею сзади. У меня у самой сзади все уже отмерзло...

Я как-то и не заметила, что день кончился, и дорога с размаху въехала в сумерки. Они обхватили нас плотным кольцом и стали быстро сжимать свою хватку. Полотно дороги становилось все чернее, все сложнее было рассмотреть лес, который скрывался за пеленой тумана, горные реки, впадающие в Байкал, стали просто бездонными провалами под звучным железом мостов. Но еще можно было рассмотреть, что мосты выкрашены кроваво-коричневой краской, и было видно сжатую в кулак руку Виктора, когда он шел на обгон, показывая нам: держитесь!

А потом на землю опустилась тьма и скрыла все от моего взора, и я потеряла счет времени...

В Бабушкине нас остановила полосатая палочка гаишника. Он был бурят, в свете желтоватого уличного фонаря было невозможно понять выражение лица. На круглой физиономии шевелились только губы, да чуть-чуть – брови.

– Документы!

Он мельком посмотрел документы у всех и остановился, когда дошел до Эдика. Вся его фигура радостно дрогнула.

– Та-ак, а где права? Почему без прав?

– Так вот, права у него есть, – Эдик тыкал пальцем в сторону Ильи, Илья усиленно кивал черным шлемом.

– А паспорт есть? Нет? А откуда я знаю, что ты – это ты? И что это – твой мотоцикл? Стойте! – он вдруг пристально осмотрел всех нас. – А почему без колясок? Где коляски? Оставайтесь здесь! – скомандовал он. – Пошли со мной! – приказал он Эдику, и они скрылись в помещении поста ДПС.

– Ну все, влипли! – процедил Виктор, глядя вслед инспектору.

Со всех сторон нас обступала темнота. Меня сотрясала дрожь – от усталости, от холода, от тревоги. Стал накрапывать дождь. Если у нас заберут мотоциклы, мы окажемся в очень интересном положении...

– Но у нас-то «Соло»? – спросила я Алексея. – На «Соло» можно без коляски?

– Можно-то можно, – постукивая зубами, ответил Алексей, – вот только он у меня зарегистрирован, как обычный, когда я его на учет ставил, инспектор, который номера сверял, мне вписал номер модели с коляской. Дело в том, что это один из первых мотоциклов без коляски, на раме указана колясочная модель, а в документах – одиночка. Ну гаишник посмотрел шильдик на раме и исправил. Я не отследил вовремя, так в документах и осталось...

– Замерз? – я почувствовала прилив жалости к своему хрупкому водителю.

– Да нет, нормально...

Ждать пришлось минут десять. Эдик вернулся с поста, на ходу пряча в карман бумажник.

– Сколько? – тихо спросил его Виктор.

– Как обычно, пятьдесят.

– На бензин хватит?

– Должно.

– Тогда вперед! – вдруг рывкнул Макаров, лягнул стартер и открутил ручку газа.

Его чудовищный мотоцикл, приподнявшись на заднем колесе, скакнул вперед. Мы рванули следом.

После Бабушкина опустевшая дорога выстрелила в темноту по прямой. Мы ехали, ехали, ехали... Дождь то прекращался, то припускал с новой силой, каждые тридцать секунд я без особого результата вытирала очки, кожаные теплые перчатки можно было выжимать. Фары встречных машин расплывались в неясные радужные пятна. Слабая фара мотоцикла почти не освещала дорогу. Хорошо, что асфальт был ровный, почти без выбоин.

Виктор, которому надоела наша размеренная езда, когда ничего не происходит и нет никакой возможности увидеть, где ты, собственно говоря, едешь, забавляясь, выходил на встречную полосу узкой дороги и ехал рядом с нами. В две фары можно было хоть что-то рассмотреть впереди. Когда вдалеке появлялась встречная машина, он пристраивался за нами, а потом снова с яростным воплем выезжал на встречную полосу. Его черный согнутый силуэт выделялся на фоне темного неба. Руслан и Эдик ехали сзади. Прошло немало времени, прежде чем синий дорожный знак поведal нам о том, что справа от дороги находится турбаза Култушная. Ребята по очереди притормозили у него и поехали дальше. Наконец это всем надоело, и Виктор включил поворотник. Маленький караван остановился на обочине. Все сгрудились возле Алексея.

– Леха, теперь уже понятно, что Белецкий нас не догонит, да и поехал ли он, неизвестно, – сказал Макаров. – Схема проезда у тебя?

– Нет, осталась у Белецкого. Да я ее помню, там река, то ли Большая, то ли Белая, кажется, все же Большая. А улан-удэнцы обещали нас ждать на дороге, мы не должны проехать мимо них.

Несмотря на собачий холод и усталость, которую я не испытывала со времен лыжных походов далекого детства, я мысленно рассмеялась. Мы ехали в неизвестность! Класс! Нет, в самом деле! Мне это даже понравилось. Почему бы и нет? В конце концов, я ведь хотела сильных ощущений, значит, я их получу.

На размышление у Виктора ушло не более десяти секунд.

– Култушную мы уже проехали. Едем еще пять километров, если никого не встречаем, ищем съезд и ставим палатку. Все согласны? Вперед!

Но не успели мы проехать и километра, как с обочины нам замахали, закричали и замигали фарами. Нас ждали. На левом отвороте стоял светлый «Москвич», а на обочине – пара мотоциклов. Кто-то, размахивая руками, бросился к нам, парней хлопали по спинам, им жали руки, рассматривали друг друга при свете фар и слабенькой лампочки в салоне машины.

– Ой, там девушка? Дайте девушке чаю! – кричал очень громкий женский голос. – Пусть она идет в машину, она замерзла!

И меня уже кто-то обнимал за плечи, заглядывал в прорезь шлема, увлекал к такому теплему, такому заманчивому салону машины.

Я проявила стойкость. Ведь это предательство – сесть в нагретое нутро «Москвича», когда мой водитель остается под дождем? Ведь предательство, правда? И я осталась. Где-то впереди светились окна, там была деревня. Наконец кто-то крикнул:

– Эй, Андрюха, проводи их до места!

На обочине затрещал двухтактник.

Мы быстро попрыгали на мотоциклы и понеслись куда-то во тьму. В первый раз мне стало не по себе. Мы неслись с устрашающей скоростью по гравийной дороге. Какие ямы и выбоины нас могли ждать впереди, неизвестно. Стоп-сигнал мотоцикла нашего «сусанина» угольком

горел далеко впереди. Деревня быстро осталась в стороне, мелькнули фонари над крыльцом черного домика, чьи-то тени. Мы снова оказались в темноте. И тут я в первый раз взмолилась.

– Леш, потише, пожалуйста! Потише...

Алексей притормозил, нас тряхнуло на мосту, потом он снова добавил газу и вдруг заозирался, заборачивался, затормозил, остановил «Урал» прямо на дороге и, бросив мне:

– Руслан упал! Я сейчас! – убежал. Потом вернулся, включил габариты и снова исчез в темноте.

Я безрезультатно вглядывалась в ночь. Как он понял, что Руслан упал? Я ничего не слышала. Сейчас, напрягая слух, я слышала вскрики далеко позади. Я хотела было бежать назад, но впереди показалась машина, и оставить мотоцикл с вещами я не решилась. Я сильно устала. Так устала, что не могла стоять на ногах. Я села на мотоцикл и, слизывая с губ капли дождя, стала терпеливо дожидаться Алексея. Потом я легла вперед, на холодный бак и уперлась шлемом в стойки руля.

– Нормально, с ним все нормально, – сказал Алексей, вернувшись.

Оказалось, Руслана подвела тяжелая палатка, сшитая из камазовского тента. Она была привязана к багажнику обычной веревкой. От тряски палатка свесилась на одну сторону, на ухабах деревенского моста, на раскисшей глине мотоцикл занесло. Не ожидавший от дороги такого подвоха Руслан не смог удержать «Урал» и упал. Эдик, шедший следом, не успел затормозить, и переднее колесо «Явы» ударило Руслана в голову. Его спас шлем. Хорошие шлемы делают итальянцы. Наш полиэтиленовый «черпак» раздавило бы. Мотоцикл пострадал незначительно: сорвало крепление крышки головки цилиндра, да из двигателя разлилось немного масла. Долго искали болт, потом долго ехали куда-то вниз по глине и траве... Потом мы оказались в центре поляны, кругом стояли палатки, кто-то совал нам тарелки с теплыми макаронами... Когда шум мотоциклов, снующих в темноте, и музыка, доносящаяся из автомобилей, затихали, недалеко за палатками было слышно тяжелое дыхание Байкала. А потом дождь, который все время накрапывал, плавно перешел в ливень, и мы с Алексеем стали ставить палатку.

Окоченевшие пальцы не гнулись, резинки, стягивающие алюминиевые стойки, рвались. Алексей подсвечивал фарой. Когда крохотная, вся в маскировочных пятнах палатка была установлена, я поняла, что жить в ней нельзя. Чтобы в нее залезть, мало было встать на колени, в нее нужно было заползть змеей. Развернуться в ней тоже было невозможно, выходить надо было только вперед ногами. Я втиснулась внутрь, почти лежа расстелила себе коврик и спальник, Алексею одеяло, в ногах втиснула по бокам мокрые сумки. Скинула тяжелую от воды парку, мокрые джинсы, напялила сухое трико и позвала Алексея. Он пробрался на свое место, переоделся в темноте в сухое. Я вспомнила о совете, который давала мне Вера, что-то там про свечу и рассмеялась в темноте. По палатке гулял ветер.

Я лежала, прислушиваясь к тому, что происходило снаружи. Меня беспокоило, как стояла палатка, – дорога к лагерю проходила совсем рядом, как бы на нас в прямом смысле слова не наехал Белецкий. В темноте можно и не заметить крохотный тент защитного цвета.

Шум снаружи постепенно затихал, все реже хлопали дверцы машин, стала тише музыка, и в конце концов остался только один звук – неторопливый шелест дождя.

Я натянула шапку до носа и с головой накрылась спальником. Я постаралась сжаться в комочек, чтобы зря не терять драгоценное тепло. Когда же я согреюсь? Через полчаса мои зубы стали выбивать чечетку, и стало ясно, что уснуть в такой холод невозможно. В такой холод можно ехать, можно идти, можно даже работать, спать – нельзя...

– Тебе холодно? – я не выдержала первой.

– Уг-м, – Алексей слабо шевельнулся, я явственно различила стук его зубов.

– Надо греться.

– Как? Свечку зажжем? – Алексей невесело рассмеялся, он уже знал про совет Веры.

– Нет, старым индейским способом.

– Это как?.. – он застеснялся.

– А так, – я расстегнула спальник. – Иди сюда.

– Зачем?..

– А затем, что вдвоем теплее. Так что давай греться.

Долго уговаривать не пришлось. Он придвинулся, затолкал в спальник ледяные ноги.

– Поворачивайся, я тебя греть буду, – сказала я, он послушно повернулся, и я обхватила его замерзшие плечи, прижимая к себе.

Вскоре мы и в самом деле согрелись и заснули. Нас разбудил рев моторов и крики. Это приехал Белецкий. Алексей на минуту выглянул наружу, а потом снова заполз в тепло. На этот раз он обнял меня, и мы снова уснули.

Проснулась я от того, что лежала в луже. Спальник снизу был совершенно мокрый, в ногах плескалась вода. Да уж, палатка не промокала, чего там говорить... Расстегнув молнию, я увидела, что на улице рассвело. Мне ничего не оставалось, как разбудить Алексея. Он вылез из палатки, куда-то ушел и быстро вернулся.

– Пойдем к иркутянам. Брось спальник, куда ты его тащишь...

В огромной палатке иркутян было тепло и уютно. Кто-то подвинулся, я юркнула между двух горячих тел, Алексей накинул на меня влажное одеяло, от которого остро пахло шерстью, сам притулился в ногах, накрывшись косухой и натянув поглубже шапочку.

Во второй раз я проснулась, когда уже было одиннадцать часов. В палатку заглянул Виктор.

– Кто хочет жрать, идите, там кормят!

Алексея рядом не было, в углу неподвижно лежал, натянув на голову спальник, Руслан.

– Горячее? – с надеждой спросила я.

– Ну там суп с тушенкой сварили, и чай горячий есть.

Я накинула парку и вылезла наружу. Наконец у меня появилась возможность рассмотреть, где же я провела ночь. Песчаный, покрытый куцей травкой плоский берег уходил вдаль, разноцветные палатки были выстроены полукругом, ряд мотоциклов стоял возле невысоких густых кустов, тянувшихся вдоль берега. Грязноватые тучи спустились так низко, что казалось, все мы находимся внутри них. Все было серым: дорога, палатки, стволы берез, даже тополя за дорогой. Рядом с палаткой начиналась тропинка к воде. Ветер пригнал воду к южному берегу Байкала, камыши и высокая трава на берегу оказались затопленными. Тропинка уходила в воду. Кто-то в одних джинсах, голый по пояс брел прочь от берега. Он не оглядывался и уходил, как Христос по воде, все дальше и дальше. И серое безмолвие заполняло все пространство от берега до горизонта, где смыкались с водой облака...

Я забеспокоилась. Выглядело все это как-то нереально и походило на попытку самоубийства. Я добежала до самой воды, оглянулась, увидела Алексея.

– Послушай, с ним все нормально? Вон, товарищ, кажется, топить пошел.

– Да это Денис. Дени-и-ис!

Уходящий по волнам обернулся. Выражение лица было бессмысленным.

– Ой, Алина, здравствуй, – сказал Денис своим очень интеллигентным, негромким голосом. Он был смертельно пьян. Наверное, он пил всю ночь.

– Ты не топить пошел? – спросила я.

– Нет, Алина, со мной все в порядке, – он очень правильно выговаривал слова, и поговору нельзя было понять, что он так сильно пьян. – Я просто ополоснусь немного, мне нужно прийти в себя.

Как мы узнали позже, ему было с чего напиться. Антон Белецкий нагрузил мотоцикл Дениса всеми вещами, отведя ему, таким образом, роль оруженосца. Сам Антон вез только свою прекрасную возлюбленную – томную, тоненькую, темноволосую красавицу с яркосиними глазами. Она несколько недоуменно смотрела на всех нас, словно бы не понимая,

как она могла опуститься до общения с теми, у кого даже машины нет. Роль оруженосца Денису не понравилась. Не понравилась ему и безалаберность Белецкого. Где-то на перевале, когда у Антона спустило переднее колесо, выяснилось, что он «воткнул» в японскую шину камеру от «ИЖа». Камера была значительно шире, ее «зажевало», и она протерлась. Антон снял колесо, оставил свою красотку с Денисом на дороге, сел на «Кавасаки», на котором ехал Денис, и уехал в ближайший сервис в пятидесяти километрах. Там он заклеил камеру, вернувшись, поставил колесо, и все поехали дальше. Через сто километров камера снова протерлась, и все повторилось. Еще через сто километров произошло то же самое...

– Я так замерз!.. – Денис качал головой. – Вы даже представить себе не можете... И так мне это надоело!.. Сидеть на дороге с этой цацкой... Я думал, я никогда не доеду!

– Во сколько вы приехали?

– Не знаю, часа в три ночи.

Дождь шел весь день. Делать было особенно нечего. Можно было или сидеть в палатке, или стоять у костра, – намокавшая одежда быстро подсыхала у горячего очага, чтобы тут же снова промокнуть. Мы с Алексеем постарались разобрать вещи. Все, что осталось сухого, перетаскивали в палатку иркутян, моим мокрым спальником непонятно зачем накрыли мотоцикл, высушить его было уже невозможно. Влажное одеяло подсушили у костра. Палатку переставили на другое место. Алексей раздобыл примус, и мы ее даже подсушили, но ночевать в ней больше не решились.

Байкеры развлекались, кто чем мог. Здесь не было иномарок, все приехали на изделиях отечественного мотопрома – на «Уралах», «ИЖах» и «Восходах». Это были простые, бесхитростные ребята, которых объединяла любовь к мотоциклам и желание найти себе подобных, тех, кто мог бы понять увлечение, а не тыкал бы пальцем, приговаривая: смотрите, он не может заработать на машину!

Одни травили байки и анекдоты у костра, другие тихо пили водку в палатках, третьи просто спали. Ни о каких соревнованиях и речи быть не могло, – кругом было мерзко, сыро и холодно.

Эдик и Илья оказались настоящими пьяницами. Не раз и не два гоняли они до магазина. Виктор укоризненно качал головой.

– Ты подумай, у тебя же бензина почти нет, как поедешь? – спрашивал он Эдика, но тот только отмахивался.

Руслан пролежал неподвижно в углу палатки весь день.

– Мужики, с ним все в порядке? Он все же головой ударился, мало ли что? – спросила я уже после обеда. Виктор посмотрел на меня, подумал и пошел поговорить с Русланом.

– Да все с ним нормально, – сказал он, вернувшись, – переживает просто. Шлем сильно поцарапал, да и мотоцикл тоже. Он же его вылизывал полгода, а тут такое... Так что у него «психологическая травма». Даже пить не хочет. Брось переживать, очухается. Ехать-то ему все равно придется. Если с утра не будет солнца, завтра стартуем домой.

Вечером у костра председатель улан-удэнского байк-клуба Андрей Зверев под всеобщие вопли торжественно повязал мне бандану с надписью «Металлика», – как «самому дальнему пассажиру». Тут не обошлось без Антона Белецкого, но я все равно была довольна.

– Ну вот, один раз надела, будешь носить до старости, – у Зверева был чуть заметный «улановский» акцент, смуглая кожа и узкий разрез глаз говорили о том, что в крови его есть азиатская примесь.

В болоневых ботинках хлюпало, по лицу текли капли дождя, с озера дул стылый ветер, но я улыбалась. А что еще мне оставалось делать?

К вечеру мы расстелили все имеющиеся в наличии коврики, по-братски поделились одеялами и спальниками, и я, наконец, немного поспала в тепле.

....Утро было таким же хмурым, как и два предыдущих. Мы напялили на себя все сухое и теплое, что еще оставалось в сумках, сфотографировались на память и выехали на шоссе по раскисшей глине.

Ветер лупил по шлему чугунными кулаками и переставлял тяжелый «Урал» по дороге, как шахматную фигурку. От холода тело быстро занемело, и весь день до самого вечера я уже больше ничего не чувствовала. К Култуку одежда почти просохла, но на серпантине мы попали в ливень.

– Да что же это такое! – возмутился даже терпеливый Алексей.

– А-а-а-а! – орал Виктор, обгоняя нас в крутом вираже. Вывести его из равновесия было сложно, но дождь довел даже его.

В Иркутск мы приехали в темноте, сверху лило, не переставая. Город превратился в Венецию, то там, то здесь в лужах стояли заглохшие автомобили. Нас обдавало потоками воды из-под колес проходящих мимо машин. Странно, дождь был ледяным, но вода была такой теплой... Посередине одной из луж заглохли и мы. Сзади раздался нетерпеливый сигнал клаксона, и я подняла вверх обе руки, показывая автомобилистам, что мы, похоже, приехали. Алексей, ругаясь, слез с мотоцикла. Но «Соло» не подвел и на этот раз, – он послушно завелся с первого же толчка стартера.

Я ничего не видела впереди и могла только догадываться, куда нужно ехать, но Алексей, по-видимому, ориентировался в Иркутске. Он неотступно следовал за Макаровым до самого Ново-Ленино. На выезде из города мы остановились.

– Леха, Алина, счастливо, – Виктор устало кивнул шлемом и махнул рукой в перчатке. – Пока!

И они с Русланом свернули в сторону. Эдик отстал еще в центре города.

Последние двадцать километров я не помню. Только белая полоса боковой разметки, слепящие фары встречных машин, холод и дождь. Когда мы подъехали к моему подъезду, то не смогли отвязать вещи. Я вытащила нож, и мы обрезали все веревки и жгуты. Я шаталась под тяжестью багажа, пальцы не хотели держать тяжелые сумки. Ноги были ватными и почему-то подкашивались.

– Давай, езжай, – говорила я Алексею, а он в свою очередь ждал, когда я зайду в подъезд.

У меня не было сил упрячиться. Я зашла в темный подъезд и обнаружила, что в нем не горит ни одна лампочка. За запотевшими окнами шумел дождь, кажется, он стал еще сильнее. Я остановилась на втором этаже, прислушалась, убедилась, что Алексей сумел завести мотоцикл, и поплелась по лестнице выше, на пятый. Ступеньки показались мне крутыми, а лестничные пролеты – бесконечными. Не было такого случая, чтобы я не могла попасть ключом в замок, но, видать, в любом деле бывают исключения. Потыкав в твердое ключом, я отчаялась и позвонила.

Мне открыл отец.

– О, приехала, заходи. А дождюка-то какая на улице! А?

Почувствовав тепло родного дома, я без сил опустилась на пол прихожей и долго собиралась с силами, чтобы встать и снять куртку.

– Ты чего сидишь? Устала?

– Ой, пап, ты не поверишь. Замерзла... Я ездила на Байкал на мотоцикле.

– Что?..

Я повторила.

– Ты... Ты просто сумасшедшая!.. – отец возмущенно посмотрел на меня и ушел в свою комнату, где громко работал телевизор.

Я не могла с ним не согласиться. Кое-как стянула куртку, развязала мокрые шнурки. Пока я сидела на полу, с меня натекала лужа. Я стаскивала с себя мокрые вещи, одну за другой, вещи почему-то сниматься не хотели, словно прилипнув или примерзнув к моей коже, но я брыка-

лась из последних сил, воюя со свитерами и кофтами, пока не осталась в футболке и трико, потом прошлепала в ванную, открыла воду и стала набирать ванну. Я долго отогревала руки под струей воды. Вода была теплая, наверное, ее давно не спускали. Не вытерпев, я разделась и полезла в ванну, когда там было всего сантиметров пятнадцать воды. И еле сдержала крик, – вода показалась мне горячей! Я опустила руку и убедилась, что она еле тепленькая. Как же нужно было замерзнуть, чтобы она казалась голым кипятком!

В дверь постучал отец. Я выключила воду, чтобы было лучше слышно.

– Что?

– А куда ты ездила?

Ага, зацепило, значит! Как же называется та деревня? Алимасово!

– В Алимасово!

– А это далеко?

– Не знаю, километров, наверное, четыреста. Или больше.

– Ну ты даешь!..

Я убедилась, что отец ушел, включила воду и стала нетерпеливо ждать, когда ванна наполнится. Как хорошо дома! Как хорошо, что существует горячая вода! И свет! И белые простыни! И мягкая тахта...

Все тело горело, словно его натерли наждачной бумагой, меня неудержимо клонило в сон, а шум воды из крана был почему-то так похож на шум дождя...

Насыпь

(2002 год, 26 июня, вечер)

....Я открываю глаза и снова вижу мотылька, который цепляется за синюю клепку «Урала». Упрямый. Такой же, как я. Чего упрямишься, глупый, лети отсюда, лети к своим цветочкам, к василькам и клеверу, здесь нет ничего, кроме железа, бензина и масла. Впрочем, здесь не так-то просто найти и цветок...

Со стороны реки слышится натужный рев двигателя. Наконец-то! Это «Урал» Будаева. Спартак Будаев рвет жилы и налегает на руль, заставляя «Урал» скакать с камня на камень и ехать туда, куда надо. Мотоцикл рвется в воду, но цепляется рамой коляски за огромную глыбу, и его разворачивает. К Будаеву подсакивают сразу трое: его сын, пятнадцатилетний Юра, Вадим Мецкевич и Андрей Кравчук. Я бросаюсь было навстречу, но тут же сдерживаю себя: троих у мотоцикла довольно. Юра и Андрей налегают на коляску сзади, Вадим тащит мотоцикл спереди. «Урал» соскальзывает с камня, ныряет в воду, вверх поднимается фонтан брызг и пара. Будаев выбрал другую траекторию движения, он зашел по каменистой ложбине вверх и теперь спускается по течению наискосок. Мотоцикл снова буксует, Вадим стоит по колено в воде, подталкивает его, Будаев благополучно выбирается на берег. Это несложный брод, и все происходит так долго, потому что все уже смертельно устали.

Будаев ловко разворачивает «Урал» на песчаном пятачке, подъезжает к моему «Уралу» и ставит мотоцикл в ряд.

– Алина, дай зажигалку, – его высокий голос звучит бесстрастно. Он закуривает и уходит, зажав в зубах такую же, как у меня в кармане, «Приму». Свои сигареты у него закончились еще вчера днем, и вечером они с Вадимом пытались курить березовые листья.

Остальные тоже возвращаются, и я остаюсь одна. Они больше не спешат, да и спешить-то, в общем, почти некуда, ясно, что мы не успеваем пройти маршрут в срок. Теперь они отдыхают, отсюда их не видно, противоположный берег круто уходит вверх, а потом дорога ныряет в ложбину. Там, на обочине, лежит гигантский ковш экскаватора. Перед тем, как мы начали переправляться, Будаев залез на него и курил, о чем-то невесело размышляя. Вид у него при этом был колоритный: голый по пояс, двухнедельная щетина на похудевшем, черном от загара лице, вязаная синяя шапочка подвернута и сдвинута на самую макушку, серые милицейские брюки и болотные сапоги. Быть может, он никак не мог накуриться, а может, тоже сидел и думал, каким ветром его занесло в эту непролазную тайгу? Я полезла за фотоаппаратом. Он увидел фотоаппарат и подмигнул мне.

Следующий мотоцикл перешел через Гагры только через полчаса, а вся переправа заняла не менее трех часов.

Когда все мотоциклы оказываются на этом берегу, Вадим и Будаев закуривают, остальные просто без сил садятся прямо на дорогу. Спустя пять минут Будаев бережно тушит сигарету, стряхивает оставшийся табак в пустую сигаретную пачку.

– Поехали, ребята...

Солнце нехотя клонится за деревья, уже восьмой час вечера. Какой это день по счету? Девятый? Нет, десятый. Хотя, если считать с того момента, когда мы перешли Рубикон, или, если говорить без всякого пафоса, перебрались на «Урале» -вездеходе через первый баргузинский брод, прошло шесть дней. Этот – седьмой. Правда, до этого три дня ушло на сам брод, и до брода еще много чего было...

....Ребята нехотя идут к мотоциклам, начинают неторопливо заводить. Я тащусь к «Уралу» Алексея, нехотя сажусь на заднее сидение, за руль садится Будаев. За рулем его

мотоцикла сидит Юрка. Он, шурясь, чуть презрительно смотрит по сторонам, его еще нежное, девичье лицо становится чуть-чуть высокомерным. «Урал» дергается, я цепляюсь за ремешок сиденья, и мы едем вперед. Странно, но после всех испытаний дорога вдруг становится более менее сносной, обычная такая лесная, укатанная дорожка, она вилает между низенькими, крутыми сопками. Мне почему-то все время кажется, что слева внизу должна быть река Намама, но я понимаю, что от реки мы ушли уже довольно далеко вглубь гор. Дорогу пересекают несколько неглубоких ручьев, которые ребята преодолевают сходу. Мы останавливаемся только тогда, когда оказываемся перед небольшой рекой. Нет, она не представляет для нас сложности, просто тени от деревьев вдруг стали слишком длинными, а под насыпью старого моста уже темно и холодно. Олег Рудин едет назад и заезжает на насыпь, чтобы посмотреть, в каком состоянии мост.

– Трухлявый совсем, но моцики пройдут, – кричит он сверху.

– Заночуем здесь? – спрашивает Будаев.

– Где, на насыпи, че ли? – Вадим Мецкевич чуть-чуть шепелявит, и сразу даже не поймешь, какие звуки он произносит не так.

– Но-о, – тянет в ответ Будаев. – Если вездеходы ночью пойдут, мы в стороне будем. Ладушки?

– Лады...

Наша молодежь – Олег Рудин и Женька Королев рады остановке уже просто потому, что можно слезть с мотоцикла и заняться чем-то другим. Иногда мне кажется, что они даже не устали, – столько у этой пары энергии.

Я смотрю на небо. Боже мой, над нами голубые небеса! Только несколько маленьких, беленьких, как идиллические овечки, облаков, и все.

Как только объявлен привал, Юрка соскакивает с отцовского мотоцикла, и Будаев сам загоняет «Урал» на насыпь, Алексей идет к своему мотоциклу, я завожу одиночку и следом за Алексеем заезжаю наверх. Мы снова оказываемся последними. Остальные уже сгрудили мотоциклы в кучу. Мы останавливаемся чуть поодаль, пониже. Я откидываю тент коляски, вытаскиваю тяжелую брезентовую палатку, сама выбираю место. Выбор невелик: либо поставить ее посередине насыпи, либо с одной стороны, либо с другой. Я осматриваюсь. За моей спиной мост, слева съезд с дороги к реке и дальше – брод. Эта речка совсем небольшая и неглубокая, у нее темное, покрытое илом дно и черные, рваные берега. За съездом начинается лес, за лесом виднеется лысая сопка. Справа, сразу за насыпью тонкий, густой, мрачный осинник. Ладно, поставим здесь. Я выбираю место ближе к броду. Я не могу объяснить, почему мне кажется, что так безопасней. Мы устанавливаем палатку, вязочки с одной стороны прикрепляем к «Уралу» с коляской, с другой – к одиночке. Кольшки забиваем в сбитый, плотный грунт насыпи. Алексей орудует топором, я – камнем. Я заученными движениями закидываю в палатку вещи, пробрызгиваю молнию палатки средством от комаров, ныряю внутрь и обустройства там логово.

Так, шлемы – в изголовье по углам, коврики расстелить, спальники – сюда, сумки в ноги, теплые вещи вытащить и положить каждому свои, аптечку мне под бок, топор – к выходу. Отлично! Теперь – хоть потоп, хоть ливень, хоть землетрясение, мы ко всему готовы.

Алексей заглядывает внутрь.

– Я за дровами, – он берет топор и уходит.

Я вытаскиваю бутылку с водой и лезу в аптечку. У меня температура и сильно болит голова, хоть бейся о придорожные камни! Не хочу, чтобы об этом знал Алексей. Этому ему еще не хватало! Я выпиваю цитрамон.

Надо бы помыться. Нахожу грязноватое маленькое полотенце, выныриваю из палатки, прохожу мимо мотоциклов и неуклюже спускаюсь с насыпи. Тут, под мостом, в полумраке уже плещется Вадим. Больше идти некуда, к реке можно подойти только здесь. Я вздыхаю,

мою руки, лицо, хотя, хотелось бы вымыться, как следует, и возвращаюсь наверх. Там сажусь на сиденье мотоцикла с коляской и смотрю на лес.

Со всех сторон к насыпи медленно подползает темнота, солнце уже село, его лучи еще падают на вершину сопки за глухим лесом, и она становится нежно-розового, как девичье колено, цвета. Я достаю фотоаппарат. Я не могу не фотографировать, и пусть они смотрят на меня с ненавистью. Большинство кадров я так и не смогла запечатлеть, разве только в памяти: кривые, живописные лиственнички, которыми поросли склоны, ершистый стланник-кедрач, толстые подушки белого, похожего на старое мочало, мха, который теплым, сухим одеялом покрывает косогоры, величественные бархатно-черные курумы⁶, спускающиеся от скальных вершин под колеса мотоцикла.

Через полчаса на насыпи пылает костерок, над костерком висит котелок, сбоку приутился большой самодельный чайник со свистком. Огонь силится разогнать обступившую палатки тяжелую тьму. Мы меняем одежду на «спальную», в этом комплекте, который всегда должен оставаться сухим, мы только спим. Все мокрые вещи Алексей относит к костру и развешивает там на бревне. Я притаскиваю от костра две тарелки с дымящимися макаронами и термос с чаем. Надо же, макароны соленые... Вкусно. С едой справляемся быстро, Алексей уходит в темноту к реке, моет там чашки и кружки. Пока его нет, мне кажется, что темнота таит опасности. Ребята хохочут у костра. У них еще хватает сил не сразу ложиться спать. Олег Рудин снова подключает магнитофон к аккумулятору:

– Кошка... – из динамика доносится противный голос. – У кошки оторваны уши...

Боже, хотя бы один вечер без этого дурацкого сопровождения! Сейчас будет концерт до часу ночи: Олег будет чинить свой мотоцикл, который он ремонтирует при каждом удобном случае, будет отчаянно газовать, кошка с оторванными ушами сменится батяней-комбатом, потом темноту будет разгонять своим силовым голосом Юрий Шевчук. Да нет, я очень люблю Шевчука, но ведь не в таком же количестве! Я закрываю свои еще не оторванные уши руками и заползаю в палатку. Я снимаю куртку, сегодня тепло, и ее можно снять, стаскиваю сапоги, расстилаю спальные, – один вниз, другой наверх, заползаю под верхний и застегиваю его со своей стороны. По крайней мере, здесь ровно и нет камней. Я не смогу заснуть до тех пор, пока воет музыка. Не смогу. Так уж я устроена. Я могу не спать больше двух суток, но даже вымотавшаяся, я не смогу уснуть просто потому, что играет музыка. У меня будет спать все: ноги, плечи, руки, даже головой ворочать будет лень. Я буду лежать с закрытыми глазами и ненавидеть эти звуки. А ведь этот сумасшедший график, а в последние дни мы ложимся в час ночи и встаем в шесть утра, dokonает кого угодно. В темноте я закрываю глаза и начинаю вспоминать. Мне хочется плакать, но слез нет. Да, собственно говоря, я не плакала уже лет восемь. И не собираюсь этого делать, слезами тут не поможешь.

По плохо натянутому брезенту палатки начинает барабанить дождь. Я встаю, надеваю резиновые сапоги и иду собирать вещи, развешанные у костра, их можно досушить прямо в палатке, – Алексей натянул под потолком между стойками веревку. Сам он сидит у костра вместе со всеми и даже иногда улыбается их шуткам, во всяком случае на его лице нет и никогда не будет явной враждебности. Он слишком мудрый для этого. Он просто умница. Он кидает на меня быстрый взгляд и тут же отводит глаза. Все на мгновение замолкают, ждут, когда я уйду. Я ухожу, на ощупь развешиваю вещи в палатке и снова залезаю в спальник. Сейчас я согреюсь, и быть может, усну. Но вместо этого я долго лежу, глядя в темноту.

⁶ Курумы, курумники – гигантские каменные осыпи.

Эксперты

(1998 год, август)

....Трамвай тряхнуло, я схватилась за поручень, чтобы не упасть, вагон стал разворачиваться, а потом рванулся вперед. Все вагоновожатые на этом перегоне старались разогнаться посильнее. Меня замотало из стороны в сторону, я оглянулась налево и стала смотреть на большую круглую низину. Трамвайные пути были проложены над обрывом и делали здесь огромный полукруг. Посередине низины был вырыт канал, по берегам ютились серые лачуги дачников, быть может, канал вырыли именно они в тщетной попытке осушить низину. На оставшемся пространстве росла желтая трава. Она была желтой летом, осенью и даже весной. Справа тянулся сосновый перелесок. Я висела на поручне, слушала фотографа Митю, и в моей душе росло сомнение. Зачем я с ним связалась?

Когда я сказала родителям, что покупаю мотоцикл, мама схватилась за сердце, а отец рассердился.

– Ненормальная! – крикнул он. – Убьешься! —хлопнул дверью и ушел в комнату.

– Алина, опомнись, – стала уговаривать меня мама. – Мы уже старые, если с тобой что-то случится, кто будет за тобой ухаживать?

Нет, моя мама – просто поразительная женщина! Я еще купить ничего не успела, а она уже мысленно угробила меня и успела умереть сама!

Я отмахнулась от них обоих. Меня можно было удержать в шестнадцать лет, но когда ты взрослый человек, удержать тебя не может никто.

Через неделю мама отозвала меня в сторону и снова заговорила об этом. Сегодня на ее глазах в районе центрального рынка сбили пешехода. Мужчина умер сразу.

– Знаешь, я тут подумала, твои двоюродные братья Витька и Санька, вон, уже лет по двадцать на мотоциклах гоняют, Владик тоже, и ничего вроде. Видать, каждому свое на роду написано. Ты только будь поосторожнее. Знаешь, – добавила она вдруг, – когда ты на Байкал ездила, мне на даче сон приснился: белый-белый конь бежал по дороге. И так хорошо мне было... – она замолчала и погладила меня по плечу. Она всегда была скупа на ласку.

Весь последний месяц я старалась найти нужный мне мотоцикл. Все время попадались объявления о продаже «Днепров», а подходящего «Урала» не было. Я несколько раз давала объявление в газету, но телефон молчал. И вот, буквально вчера раздался звонок, и правильно поставленный мужской голос сказал, что у него есть именно то, что мне было нужно: мотоцикл «Урал» тысяча девятьсот девяностого года выпуска, синего цвета, с пробегом в две тысячи восемьсот километров.

– Если хотите посмотреть, приезжайте завтра в одиннадцать. У меня гараж в кооперативе в Майске, сразу за площадкой техосмотра. Знаете? Пятьдесят третий бокс, да я вас у ворот встречу.

Я заволновалась, я вдруг поняла, что понятия не имею, где живет Алексей! С той дождливой ночи прошло уже две недели, мы виделись всего два раза, в пойме реки Китой Алексей учил меня ездить на своем «Соло». Наши встречи длились всего по полчаса. Как же мне его найти? Я бросилась звонить Зиновию.

– Ты подойди в редакцию, сейчас Костя Евгеньев из пресс-службы УВД подъедет. Он же милиционер как-никак, спроси у него.

Сорокалетний Костя внимательно меня выслушал, хитро подмигнул, и позвонил в справочную. Васильевых в Ангарске оказалось трое. Один жил в Юго-Западном районе, один – в «квартале», а третий в поселке Северном. Я задумалась. У меня почему-то вылетело

из головы, что он живет в частном доме. Который из них – «мой»? Снова мне на помощь пришел Зиновий.

– Помнишь, твои байкеры сюда к нам немца приводили? Ну который на «Ямахе» вокруг света ехал? Хуберта Штейнхаузера? Он останавливался у Алексея. Посмотри фотографии, Митя ездил его снимать.

Все бросились искать фотографии, нашли в архиве, принялись рассматривать. На всех фотографиях был рослый, красивый иностранец на каком-то гигантском черном мотоцикле. Задним фоном служили серые доски деревенского забора. Алексей жил в поселке.

Этим же вечером я отправилась в Северный, на самую окраину Ангарска, которая появилась еще раньше, чем был построен сам город. Я не знала, что я там встречу и, главное, какотреагирует на мое появление Алексей.

Несмотря на то, что я долго изучала карту поселка, я все же заблудилась и несколько раз выходила на берег Китоя. Потом, перепутав улицу, стучала в какие-то высокие, выкрашенные зеленым ворота, но в ответ слышала только грозный собачий лай. Потом, расспросив прохожих и сбежав с косогора куда-то вниз, я с удивлением обнаружила странный забор из обычных комнатных дверей, который, кривляясь и приплясывая, уходил в сторону. На заборе чьей-то твердой рукой была привинчена новенькая табличка: «ул. Зеленая». Я прошла вдоль забора, надеясь, что забор принадлежит другому хозяину. Так оно и вышло. Нужный мне номер «7А» был прикреплен к высокому, крепкому, новенькому забору. Мне не пришлось стучать в калитку, собачий лай предупредил хозяев о моем приближении. Навстречу вышел высокий хмурый мужчина.

– Алексея? Сейчас, – он вернулся внутрь, я слышала, как он поругивает собаку. – Тихо, Мухтар! Чего зря брешь?

Напротив, на крутом откосе, сквозь дырявый, дряхлый забор виднелся заброшенный участок. Возле забора аккуратным штабелем были сложены свежие доски. Я села на доски и стала ждать. Алексей появился не сразу. Он был голый по пояс, в темно-зеленом трико с белой полосой, босой, в руке он держал кисточку в зеленой краске.

– Это ты? Я забор крашу. Сейчас... – он сходил, отнес кисточку и вернулся, сел рядом со мной на доски.

Он был как-то напряжен. Все же я не вовремя пришла. В калитку выглянул мужчина.

– Иди отсюда, – тихо и сердито сказал ему Алексей.

– Это кто? – шепотом спросила я.

– Батя...

Я оробела. Виду я, конечно, не подала, но мне почему-то вдруг показалось, что он скажет мне что-то вроде: «Ну чего пришла?», и поэтому я, торопясь, чтобы он не опередил меня, стала говорить о мотоцикле.

– Понимаешь, я договорилась назавтра, у него гараж тут недалеко, в Майске...

– Не могу, – вдруг отрубил он.

Я запнулась на полуслове.

– Батя теплицу строит, завтра просил помочь. Я и так тогда вон съездил, и в эти выходные тоже с Денисом ездили в Иркутск. Не могу, – его тон немного изменился, но все равно оставался суровым.

Он сидел рядом со мной, невысокий и очень красивый. У него оказались широкие плечи и тонкий стан. Трико было засучено, и виднелись крепкие, толстые лодыжки, поросшие темным, курчавым волосом. Нога была неожиданно маленькой, почти детской, но не женской – широкая ступня, крутой взъем. Он весь был очень ладный. Такими ладными бывают только невысокие мужчины, в которых часто как-то верно соотносено, правильно подобрано все – от формы головы до формы ладоней, от длины ног до разворота плеч. Так бывает редко, но все же бывает, вдруг постарается матушка-природа, да и отмерит человеку именно столько,

сколько надо, чтобы все было в меру, не больше, но уж, точно, и не меньше. На широкой, сильной шее ладно сидела небольшая голова, я уже знала, что она такого же, как у меня, пятьдесят шестого размера. Густые русые волосы были коротко стрижены, и только на лоб нависал упрямый отросший чуб. Уши маленькие, плотно прижаты к голове, а нежная мочка, которую я успела хорошо рассмотреть, была сросшейся. Высокие, широкие прибайкальские скулы, небольшой, безупречный нос и темные брови, из-под которых синем пламенем горели глаза. Даже длинные, девичьи ресницы не могли унять этого жара. Кожа мягко облегла контур подбородка и четкую линию нижней челюсти. У него оказались мускулистые, круглые руки и плоский живот греческого атлета. Я все это рассмотрела как-то враз и вспомнила, как он всегда вел себя в компании. Он не привлекал к себе внимания, не старался выделиться, но не заметить его было невозможно. При этом сразу становилось ясно, что грубить ему совершенно незачем, он не вызывал агрессии, наоборот, он излучал дружелюбие, под его обаяние попадали все, без исключения. Откуда ты взялся, байкер? Почему до сих пор один? Куда едешь?

Я разочарованно вздохнула. Заходящее солнце грело через джинсовую куртку, ласкало щеки, в плохое верить не хотелось, но в жизни может быть все, что угодно.

– Ты подожди, я сейчас отвезу тебя, только оденусь, – он словно очнулся, улыбка озарила лицо, и он стал прежним. Но очарование сгнуло.

Мне пришлось позвонить Мите, который работал в газете фотографом. Тот обрадовался, что его позвали на такое ответственное мероприятие.

И вот я висела на поручне тряского трамвая и слушала его болтовню. Митя был странным, в свои сорок два года он обладал спортивной внешностью, полуседой шевелюрой и был необычайно говорлив. При этом он любил наклоняться как можно ближе к собеседнику, так, что вы различали запах изо рта. Если собеседник пытался уклониться, Митя агрессивно наступал, стараясь прижать его к стене. Отвязаться от него было практически невозможно. Сейчас его очки хищно поблескивали, деваться было некуда, приходилось слушать. Впрочем, сначала все говорило о том, что Митя был специалистом, он не без гордости демонстрировал свои права с категорией «А» и рассказывал о двух мотоциклах, которые у него были, а так же все, что мог вспомнить на эту тему.

– Главное, чтобы сальники не бежали, – рассуждал он, – все остальное – ерунда. Ну еще, главное, чтобы дым из глушителей не шел. Если идет, считай, поршневую надо сразу менять. А поршневая у «Урала» – фигня, рассчитана всего на шесть тысяч километров, так что, если хозяин не врет, и пробег у него всего две восьмьсот, этот сезон ты на нем еще отъездишь, а зимой, ничего не попишешь, придется тебе поршня менять! Хотя, вообще, «Урал», это, я тебе скажу, такая машина! Я на нем люблю «Яву» только так делал! Перекресток у кинотеатра «Победа» знаешь? Так я по Маркса до следующего перекрестка до ста пятидесяти разгонялся! И это с коляской. И ни одна «Ява» меня догнать не могла!

Но и «Ява» тоже ничего аппарат... У нас во дворе один мужик раньше жил, ну натуральный байкер! Весь в коже! Представляешь, «Яву» свою заводил исключительно рукой, так она у него отрепетирована была! Да, хороший мотоцикл «Ява»... Вот у меня случай был, сейчас скажу когда... Наверное, в восемьдесят девятом. Тогда магнитофоны были редкостью, друг из Саянска позвонил, сказал, в магазин партию завезли. А зима уже, седьмое ноября на носу, куда на мотоцикле ехать? А я поехал! Оделся потеплее и поехал... И что ты думаешь? Нормально! Вот я и говорю: зверь мотоцикл!

– Магнитофон купил? – спросила я, чтобы поддержать разговор.

– Нет, выходной в магазинах был, праздник ведь. Холодно было, минус тридцать, наверное. А мне ничего... Обратный пер, так у меня один цилиндр отказал, так я на втором до ста тридцати по трассе шел! А как-то на перекрестке на Крупской поворачивал, на трамвайные пути вылетел. Вот смеху-то было! У меня сзади жена сидела. А в коляске – теща. Так я на рельсах перевернулся. И ничего, все обошлось... Меня каска спасла. Жена вот только ударилась,

а так ничего. Да... Я свой «Урал» продал удачно, какому-то лоху из деревни, то ли из Тальян, то ли с Одинска. Я все думал, вот продам, а там пусть хоть разваливается. Представляешь, так и вышло! Мужик этот даже из города выехать не смог, у него из глушителей черный дым повалил. Я слышал, он на вязке⁷ до деревни доехал! Ты вот мотоцикл берешь, а куда ставить будешь? Не знаешь? У меня гараж в «Привокзальном» пустой стоит, я тебя пущу, не бесплатно, конечно, но ты имей в виду.

Кооператив оказался довольно большим, мы все время сворачивали в какие-то закоулки. Оказалось, я знаю хозяина мотоцикла, он работал режиссером детского театра, и я брала у него интервью. Он тоже меня узнал, и мы сразу прониклись друг к другу симпатией. По пути он рассказал, что мотоцикл на самом деле принадлежит его теще, раньше на нем ездил тесть, но он умер, и вот уже восемь лет мотоцикл стоит в гараже.

– Мы заводим его раз в год, – извиняющимся тоном сказал он, – а так за ним никто особо не смотрел... Я даже не знаю, заведем ли...

Ворота пятьдесят третьего бокса были распахнуты настежь, в глубине гаража виднелся обычный водительский скруб, разложенный на полках. Некоторые инструменты просто валялись на полу. Возле самого обычного синего мотоцикла с коляской ковырялся мужичок.

– Это Саня, – представил его хозяин, – он специалист по «Уралам»...

– Твой «специалист» ездил на «Урале» в последний раз десять лет назад, – отозвался Саня, начиная пинать кикстартер.

Я медленно, стараясь придать себе вид знатока, обошла мотоцикл кругом. Никакого особого впечатления он на меня не произвел.

– Смотри, смотри, – горячо зашептал мне в ухо Митя, – амортизаторы текут, и вилка, вон, тоже. Одно перо точно бежит! Смотри, и задний фонарь на коляске разбит...

Я смотрела и ничего не видела. Впрочем, от новичка этого никто и не ждал. Мужики следом за мной, по очереди так же неторопливо обошли мотоцикл, и Саня снова принялся безрезультатно пинать кикстартер. В алюминиевой глубине двигателя что-то утробно булькало, мотоцикл шатало от саниного напора, но заводиться он не хотел. Минут через десять Саня выдохся. Пришла очередь хозяина, но его хватило ненадолго, он устал еще быстрее друга. Несколько раз пнул стартер Митя. Потом обернулся ко мне.

– Не, бесполезно, нужно зажигание настраивать.

– А ты умеешь? – с надеждой спросил хозяин.

– Нет, – ответил мой «эксперт».

– Ладно, тряхнем стариной, – Саня нашел где-то в гаражных недрах отвертку, снял крышку зажигания.

Прошло еще минут двадцать. Кикстартер пинали по очереди. Даже мне позволили пнуть его пару раз. Звучали непонятные фразы, которые казались мне настоящей музыкой:

– Масло проверял?

– Да в норме масло!

– Давайте свечи поменяем.

– А есть?

– Нет, нету...

– Лучше открой заслонку, ему воздуха не хватает...

Если бы дело не происходило в пыльном проулке глухого кооператива, можно было подумать, что диалог происходит в операционной. Саня то и дело подшаманивал зажигание, и минут через сорок это все-таки дало результат: мотоцикл несколько раз чихнул, раздалось обнадеживающее «тух-тух», и он тут же заглох. Мужиков это словно разбудило, они затопали вокруг мотоцикла энергичнее, и буквально через пару минут чудо произошло – «Урал» ожил.

⁷ Вязка – буксирный трос.

И не просто ожил, а выдал солидное «топ-топ-топ». Никакого дыма из глушителей не повалило, а это означало, что... Впрочем, я тогда и не понимала, что это, собственно говоря, означает.

– Ну что? – спросил Митя. – Будем пробовать?

Я неуверенно кивнула. В тот самый момент, когда сердце этого синего монстра забилося, мне в первый раз стало страшно. После всего, что я сегодня от Мити услышала, ехать с ним не хотелось. Тем более, меня очень пугали сидения: черные резиновые «лягушки» шатко прогибались от малейшего давления на них.

Зато Митя, явно соскучившийся без лихой езды, бесшабашно вскочил в седло, вернулся в узком проходе и газовал, что есть силы накручивая рукоять. Мотоцикл устрашающе выл.

– Садись! – крикнул Митя.

Лучше бы я этого не делала. Но, как говорится, «хорошая мысль приходит опосля». Я решительно прыгнула назад и сразу же ухватила за резиновое кольцо «лягушки». И вовремя: Митя настолько резко открутил ручку газа, что в следующий момент я чуть не слетела назад. В последующие секунды я поняла, что значит находиться на спине взбесившейся лошади. Митя ездил, игнорируя все законы физики. Это напоминало тренажер для родео. Сиденье валилось то вперед, то назад, резиновое кольцо растягивалось, норовя лопнуть, а я молилась, чтобы эта поездка закончилась для меня благополучно! Порыскав по кооперативу и чуть не врезавшись в какой-то автомобиль, Митя резво вырулил к воротам и, словно взбесившийся от нашествия паутов сивка, вырвался, наконец, на свободу. Странно повилявая, то и дело дергая мотоцикл, он понесся по дороге, обгоняя машины. Мне стало совсем плохо от одной мысли о том, что мы сейчас нарвемся на гаишников, а документов на мотоцикл у нас не было, как не было и шлемов. Площадка техосмотра располагалась рядом, и гаишников здесь было много.

– Поворачивай! – заорала я Мите что было мочи, стараясь перекрыть рев двигателя.

Как ни странно, он меня послушал, видать, самому не хотелось связываться с «продавцами полосатых палочек». Все так же рыская из стороны в сторону и дергая мотоцикл, он вернулся в гараж. Я покорно болталась сзади.

Не могу описать состояние тихой радости, которое охватило меня в тот самый момент, когда мы остановились, и Митя заглушил мотор. Очень осторожно я слезла с мотоцикла, понимая, что в юбке мне не ходить недель пять, не меньше. Я до черноты отбила ноги о сиденье и коляску. Трясущимися руками я вытащила сигарету, закурила.

– Ты что, всегда так водишь? – спросила я Митю.

– А что, движок-то проверить надо, – он ухмылялся.

Я сделала несколько глубоких затяжек, стараясь хоть немного успокоиться. Он напугал меня до смерти, и кажется, даже не понял этого. Он радовался, как ребенок.

– Ну и как впечатление? – спросила я его, стараясь не смотреть в глаза. А то бы он там такое прочитал...

– Да ничего. Приемистый...

Это я смогла понять и без него.

– Ну так что – брать его?

Митя наслаждался моментом.

– Ну вилку у него закусывает, к тому же она течет, и амортизаторы... Сальники менять придется... Нет, подожди немного, может, что-нибудь лучше предложат, – по-моему, ему просто понравилось выбирать мотоциклы, и он хотел продлить удовольствие. Ну уж, дудки!

Хозяину мотоцикла я сказала, что подумаю, взяла у него номер телефона и распрощалась.

Вечером ко мне приехал Алексей и поставил меня перед фактом: я свободен, поехали, буду учить водить. Но водить я на этот раз не смогла. От одного звука работающего ураловского двигателя у меня затряслись руки, и «Соло», словно пьяный, начал вилять по асфальту.

– Что-то с тобой сегодня не так, – сразу заметил Алексей.

Я рассказала о том, как «выбирала» мотоцикл.

– Говоришь, движок у него приемистый? – переспросил Алексей.

Я кивнула.

– Тогда брать надо, чего мяться-то. Сальники поменять – минутное дело. Не дымит?

– Вроде нет.

– Тогда берем?

Я пожала плечами, вздохнула.

– Берем. А как его переписывают? Его же гнать в ГИБДД надо. У меня прав нет, у хозяина тоже.

– Я помогу, не проблема. Звони этому мужику, скажи, что в следующую субботу переписем. Договорись там, да не торопись, может, цену сбить сможешь.

А потом мы купили мотоцикл. Это была настоящая эпопея: я в шесть утра поехала в ГИБДД, занимать очередь на сверку номеров, и мне пришлось долго объяснять довольно дружелюбно настроенным мужикам, почему я занимаю очередь, но машины у меня нет. Алексей вместе с хозяевами гнал мотоцикл и опоздал, потому что мотоцикл заглох в километре от управления ГИБДД и заводиться не желал, а потом мы бегали, заполняя бумаги, бумаг было очень много, и все они почему-то не помещались в обеих руках, и я их постоянно путала. Наконец после снятия с учета и оформления справки мы судорожно рассчитывались с тещей режиссера, стоя между дверями управления. А когда под вечер, измотанные бегом, мы вдвоем с Алексеем поехали ставить мотоцикл в Митин гараж, двигатель вдруг задымился.

– Он просто грязный и перегрелся, масло обгорает, нужно карбюраторы регулировать, – спокойно объяснил мне Алексей.

Так я стала владелицей жуткого, огромного синего чудища. От бывших хозяев мне достался комплект ключей и засаленная инструкция по эксплуатации, которую Алексей посоветовал проштудировать. А еще мне в наследство достался неработающий поворотник и неотрегулированные карбюраторы. И что делать со всем этим, я понятия не имела.

Тоши

(1998 год, конец августа)

...Лето неслось-катилось к финишной ленточке. Ночью я закрывала глаза и слышала рев мотоциклов, утром я просыпалась и снова явственно слышала, как за окном ездят мотоциклы. Я ничего не могла с этим поделать, это было наваждением, сумасшествием, длительным помешательством. По вечерам в распахнутые окна лился грозовой, августовский, маятный воздух, запахи теплого асфальта, земли и уже желтеющих, плотных тополиных листьев смешивались с запахами бензина, масла и литола⁸, с мужским запахом кожаной куртки и одеколона Алексея. Жаркими, пахнущими богородской травой и полынью вечерами, Алексей учил меня крутить восьмерку⁹ на прогревом, розовом от заходящего солнца асфальте. Он хотел, чтобы я крутила ее не хуже Виктора Макарова. Сначала мне было страшно, но потом я все же поняла, что нужно делать, чтобы мотоцикл слушался, и это превратилось в удовольствие. Но больше мне нравилось просто гонять на «Соло» по площадке картодрома. Алексей быстро пресекал это никчемное на его взгляд времяпровождение, справедливо считая, что мне нужно учиться останавливаться и как можно медленнее ездить на первой передаче. Но на первой передаче «Соло» становился неуправляемым и норовил завалиться на бок, на хромированные, блестящие дуги безопасности, а при остановке его начинало сильно тянуть вправо. Алексей объяснял эту особенность движением коленвала и маховика, но мне легче от этого не становилось. По идее, к этому нужно было просто приспособиться.

Мое обучение происходило намного медленнее, чем я ожидала. Это злило, хотя я готова была на любые лишения, лишь бы освоить «Урал» как следует. В мечтах я уже знала его, как свои пять пальцев, и гоняла, как заправский байкер. На деле все оказывалось намного сложнее.

– Не расстраивайся, – утешал Алексей. – Обычно пацаны как учатся? В тринадцать лет садятся на мопед, в пятнадцать – на «Восход» или «Минск», в шестнадцать получают права и покупают наконец «Яву» или «ИЖ». А уж потом садятся за руль «Урала». Ты же хочешь сразу оседлать тяжелый оппозит¹⁰. Получится. Обязательно получится, но не сразу.

За лето парни сбились в дружную компанию. Тогда казалось, что их водой не разольешь. Они гоняли на Байкал в Листвянку, купались на Еловском водохранилище, принимали у себя гостей из Иркутска, сами ездили в областной центр. Вскоре Алексей и Денис стали ездить в Иркутск, как они говорили, «на Шпиль» по два раза в неделю. «Шпилем» называлась набережная с памятной стелой в центре города, здесь по вечерам собиралась молодежь. Пиво текло рекой. Денис ездил туда с одной конкретной целью – кадрить девчонок, наверное, с этой же целью ездил туда и Алексей, правда, возвращался он всегда раньше Дениса. По-моему, он пользовался успехом у иркутских молоденьких девиц, с которыми мне не хотелось, да и не нужно было тягаться. Они тешили его самолюбие и бегали вокруг с фотоаппаратами, стараясь запечатлеть красивого мальчика в светлых, почти белых джинсах на хромированном, черном чоп-пере. Они писали ему любовные стихи, над которыми он потешался, потому что никогда раньше не читал стихов, а одна из них, чтобы произвести на него впечатление, зубами открывала для его друзей бутылки с пивом. Думаю, что в этих молоденьких и свеженьких девчонках его совершенно не устраивали молодость, торопливость чувств и ураган эмоций. Не то

⁸ Литол – термостойкая смазка.

⁹ Крутить восьмерку – выполнять фигуру вождения. Обычно восьмерку крутят на маленьких, легких мотоциклах. Инспекторы ГИБДД и представить себе не могут, что ее можно крутить на «Урале», ведь мотоцикл не был предназначен для эксплуатации без коляски.

¹⁰ Оппозит – тяжелый мотоцикл с противоположным расположением цилиндров. К примеру, «Урал», БМВ.

чтобы он не ведал, что такое страсть, но с пренебрежением относился к женщине, способной прыгнуть в порыве этой самой страсти в постель к первому встречному, пусть даже он и будет байкером. Он укоризненно качал головой, глядя на похождения Дениса, которого моральная сторона дела не заботила. «Раз дают, надо брать!» – так думал Денис и никак не мог понять, почему Алексей не «катает девочек», но стремится домой, в родной Северный. Не знала этого и я. Я изо всех сил старалась воспринимать его только как мотоциклетного «гуру», но не более того. Иногда я ловила на себе его странный взгляд, но и только. Впрочем, чего я ждала? Между нами было не просто четыре года разницы в возрасте, между нами была пропасть: он был деревенским мальчишкой, выросшем в глуши Читинской области, за всю жизнь он прочитал только одну книгу – «про полярных летчиков». Он до четырнадцати лет понятия не имел, что невысокого роста: в школе был вровень со всеми, и только переехав в Ангарск, он вдруг обнаружил, что сверстники его в большинстве своем – за метр восемьдесят. Его родители были простыми, спокойными людьми, которые всю жизнь проработали на земле, а брат служил в армии тут же, в Ангарске, в местной воинской части. Сам он в армии не служил из-за астигматизма, у него было плохое зрение, и очки ему было подобрать невозможно. На одном глазу врачи пытались сделать операцию, чтобы вернуть будущего солдата в строй призывников, но операция ничего не дала, кроме постоянной боли. Не спрашивайте, как он ездил на мотоцикле. Не знаю. На мой взгляд, ездил он просто отлично.

Я училась хорошо, институт не закончила случайно – ошиблась в выборе специальности. Бывает. Я читала книги и те самые вирши, которые были написаны Алексею, оценила сполна, неплохие, между прочим, были строчки. Было в них чувство. Мои родители годились его родителям в родители. Поняли? Нет? В общем, его бабушка была на год старше моего отца. Мои родители были уже пенсионерами, отец всю жизнь проработал преподавателем в вузе, а мама – инженером-проектировщиком. Мой брат не служил в армии, разве только бывал на сборах, он закончил МГУ и жил в далекой Москве. Впрочем, все это не уберегло нашу семью в лихие девяностые от нищеты. Техникой в семье никто не увлекался.

Но не это делало Алексея таким далеким от меня. Просто у меня за плечами была уже целая жизнь, а у него – только школа, училище, работа и дом. И все. Я сменила минимум десять мест работы, он работал на нефтеперерабатывающем заводе всю жизнь. Мы были слишком разными. И тем не менее, мы все же были одинаковыми, но это я поняла намного позже.

...В один прекрасный вечер, когда за окном уже стемнело, раздался настойчивый звонок в дверь. Родители были дома. Отец смотрел телевизор, а мама энергично гремела посудой на кухне, готовясь к ежегодной засолке огурцов. Я сидела за пишущей машинкой. Звонок настойчиво повторился, и я бросилась в прихожую. За дверями стоял Алексей.

– Привет, я тут с японцем! Эй, как тебя... Тоши! – он махнул кому-то рукой. – Заходи!

В прихожую вошел мужчина не мужчина, юноша не юноша, возраст вошедшего определить было невозможно. Непроницаемое лицо египетской статуэтки с узкими, полуприкрытыми глазами, гладкая, как слонобая кость, кожа, аспидно-черные гладкие волосы падали до пояса. Зато сразу было понятно, что перед вами мотоциклист – на нем были ярко-синяя куртка и белые мотоботы, в руке он держал кроссовый шлем с подбородочной дугой, козырьком и убирающимся под козырек тонированным стеклом. Я глядела на все это, не в силах вымолвить не слова от неожиданности.

– Его зовут Тоши, – представил японца Алексей. – Помнишь, у меня немец останавливался? Видать, дал ему мой адрес. Прихожу с работы, а там батя за голову держится, говорит, вот, принимай гостя.

Отчаянный «самурай» ехал из Токио куда-то в Сирию. После прибайкальской грязи он, по-видимому, решил немного отдохнуть, но побаивался российских гостиниц, а тут – проверенное место, хорошие люди, чистая горница, баня, свежее белье.

– Тебе пора гостиницу для байкеров открывать, – пошутила я и на ломаном английском, который я вспоминала все лето, выяснила, что полное имя японца Тошиюки Норо, что он живет в Токио и работал до последнего времени специалистом по телевизионным коммуникациям. Но вот решил уволиться и поехать, куда глаза глядят, в поисках новых впечатлений.

– У меня дома цирк, – смеясь, сказал Алексей, – этот ни слова по-русски не говорит, и никто не знает по-английски. Батя никак не может понять, что парень не глухой, а просто не понимает по-нашему. И поэтому батя все время кричит, наверное, думает, что так понятнее! Но японец ничего, соображает, два раза на блины звать не надо.

Тоши снял свои жуткие чеботы, куртку и оказался высоким и тоненьким, казалось, его талию можно обхватить двумя ладонями. Я провела гостей в комнату, сбегала на кухню, поставила чайник, сполоснула стаканчики. У мамы глаза полезли на лоб, когда она увидела Тошиюки.

– Ах, Алька! Вот бы тебе замуж за японца!

Меня передернуло.

– Ну нет! Нас и тут неплохо кормят! – я мысленно сравнила Алексея и японца, и сравнение было не в пользу «самурая». Бр-р-р! Да он был похож на ящерицу!

Когда я принесла поднос с чаем в комнату, Тошиюки долго смотрел на розетку с черничным вареньем.

– What is it? (Что это?) – он осторожно поболтал ложечкой, размешивая жидкий сироп.

– Э-э-э... – я обернулась к Алексею, ища у него поддержки, хотя чем он мог мне помочь? Он ведь ни слова не знал по-английски! Но его выручила находчивость.

– Это джем! – ляпнул он.

Правильно ляпнул, я бы не догадалась. Но это не помогло.

– What is jam? (А что такое джем?), – снова спросил японец.

Его английский, по-видимому, тоже был несовершенен, и тут уж мы помочь ничем не могли. Пришлось «самураю» пробовать варенье, не зная, что это такое и как оно называется.

– Батя рассказывал, – продолжил говорить Алексей, – у японца, когда он приехал, мотоцикл грязный был, так он его сразу помыть решил. Спросил жестами у бати, где, мол, помыть мотоцикл можно? Ну батя ему показал, куда ехать, у нас же берег Китоя рядом. Дал ему порошка, щетку, которой я «Урал» мою. Говорит, уехал. Не было его где-то с час. Приехал обратно, постоял-постоял, посмотрел на мотоцикл, видно – не понравилось. Говорит, щетка не та, дайте другую. Батя ему дал! Зубную щетку! А он показал жестом, хорошо, мол, и уехал. И мыл мотоцикл еще два часа. Слышь, у него мощик белый, так он его отдраил до снежной белизны! Ни пятнышка! Ни пылинки! Что ты хочешь – японец!

Тошиюки внимательно слушал речь Алексея, нерешительно кивал головой и неуверенно улыбался.

Следующим вечером мы вчетвером: Алексей, я, Тошиюки и Белецкий поехали на Китою. Быстро стемнело, от воды тянуло сыростью, мы жались к слабенькому костерку и пили пиво, которое привез с собой Белецкий. Алексей на пиво не налегал, больше делал вид, что пьет. Ребята объяснялись жестами. «Говорили» о правах, о езде без шлема, я тщетно пыталась перевести наклейку, которую кто-то из русских мотоциклистов в порыве щедрости нашлепнул на щиток белого, ажурного, «длинноногого» «Сузуки»: «Полный вперед!» – было написано на ней красными буквами, а у меня в голове крутилось только «Show must go on!» (шоу должно продолжаться!), что решительно не годилось в качестве перевода. Когда Тошиюки узнал, что я купила себе «Урал», то изменил восточной невозмутимости, на мгновение его глаза стали круглыми, как у героев японских мультфильмов. Он был изумлен, тыкал в сторону «Соло» пальцем и переспрашивал, такой ли именно «Урал» купила я.

– Yes, so bike. Only blue color. And with sidecar. (Да, такой, только синего цвета и с коляской), – ответила я, как могла.

На обратном пути выпивший «самурай» решил продемонстрировать диким русским класс и проехался на заднем колесе. Это было сюрреалистическое зрелище – центр континента, Сибирь, ночной город блестит от только что прошедшего дождя и сын страны восходящего солнца уходит вдаль через перекресток на странном белом эндуро. Особенно это впечатлило Алексея.

– Живут же люди, – с грустью сказал он, когда Тошиюки на следующий день собрал вещи, стянул в пяти местах яркими резинками свои угольные волосы, закинул получившийся тонкий хвост за плечи, надел шлем, сказал: «Сейонара!» и уехал. – Взял да и уволился, взял да и поехал, куда хочет. Мотоцикл есть, деньги тоже, видать, есть... Эх, нам бы так жить!

Поцелуй

(1998 год, начало сентября)

... Не знаю почему, но я вбила себе в голову, что техосмотр лучше пройти осенью. В этом было рациональное зерно: за зиму я могла отцепить коляску, переделать мотоцикл в одиночку и спокойно отъездить весь следующий сезон. Чтобы пройти техосмотр, мотоцикл нужно было немного подделать. Алексей пообещал отрегулировать карбюраторы, я же принялась за ремонт проводки.

Я раздобыла пасту-припой, нашла кислоту, не очень доверяя пасте, отыскала кусочки припоя, вытащила из ящика с инструментами, который долгое время стоял в ванной, паяльник, прозвонку, сложила все это в сумку и отправилась в гараж. Гараж находился в глухом кооперативе возле вокзала. Чтобы дойти до него, нужно было пересечь безлюдную лесополосу, перейти Московский тракт, немного пройти вдоль него по направлению к поселку Майск и свернуть на разбитую грунтовку, которая через двести метров входила в ворота кооператива. Замок на тяжелой гаражной двери никто никогда не смазывал, и чтобы ее открыть, я взяла с собой молоток. Несколько раз стукнув по длинному ключу молотком, я потянула на себя дверь и шагнула в темноту. Освещения у «аса» Мити в гараже не было, только переноска на скрученном из нескольких проводов удлинителе. Обогревателя не было тоже. Гараж был сырым, как погреб, черная пасть подвала зияла в углу. Наверняка тут никогда ничего не стояло – ни машины, ни мотоцикла, потому что не было здесь даже набора ключей, не было и ни одной полки, на которую можно было эти ключи положить. От бетонного пола тянуло снегом.

Я не знала, с чего начать, поэтому начала с элементарного, стала отслеживать провод, который шел от неработающего поворотника. Так, здесь штекер, потом провод идет сюда... Я думала о том, как странно распоряжается жизнью людей некто на небесах: много лет назад, когда я училась в школе, нас всех отправили в учебный комбинат, получать рабочие специальности. Я выбрала... Угадайте, что? Правильно, водительские курсы. Мне было не суждено на них учиться: курсы существовали для того, чтобы готовить водителей для нашей доблестной армии, а совсем не для того, чтобы обучать вождению глупых девочек в не по росту длинных школьных платьях и стоптанных сапогах. Меня выставили из класса, стоило мне переступить через порог. Пришлось обучаться профессии монтажницы-схемщицы. Профессия скучная, нудная и никому не нужная. Но пригодилась же! С помощью схемы я дошла до коробочки переключения опций, нашла отвертку, осторожно, боясь уронить болтики-гаечки в подвал через щели между досками, закрывающими смотровую яму, раскрутила коробочку. Мне почти ничего не было видно, переноску можно было повесить только на руль, выше – ни на стене, ни на потолке вешать ее было некуда.

Так и есть! Ну кто же устанавливает на мотоциклы такую толстую проводку! И как паять, тоже не понятно: проводок отломился от контакта где-то в глубине. Ладно, попробуем...

Через полчаса я выкинула пасту, которая только растекалась по проводу, но плавиться не хотела. Наверное, старая. Еще через полчаса я припаяла проводок и тут же его обломила, пытаясь поставить часть коробочки на место. Холод медленно поднимался от пола по ногам, пока наконец не добрался до пальцев рук, отвертка выпала, норовя проскользнуть в щель... А лето, однако, закончилось... Я печально вздохнула. Или я останусь здесь навсегда, и кто-нибудь найдет обледеневшую статую весной, или я добьюсь своего. Я снова включила паяльник. Фигня какая-то! Что-то тут не так, не может быть, чтобы на заводе тоже так паяли... Как же она разбирается? Как? И вдруг коробочка разломилась у меня в руках, вытолкнув вверх плату с контактами! Эврика! Я пустилась в пляс по черному гаражу и только тут поняла, что на улице давно стемнело. Ну уж дудки! Не уйду, пока не исправлю все.

– Ну ты и упрямая!... – говорил на следующий день Алексей, регулируя уровень топлива в карбюраторах. – Четыре часа паять какую-то дрянь! Я бы пришел и все тебе показал.

– Но ведь припаяла...

– Верно.

Я наблюдала за тем, как он устанавливает проверенные и отрегулированные карбюраторы обратно, и думала о том, что мы здесь делаем? Ну я-то понятно, это мой гараж и мой мотоцикл, а он? Если гора не идет к Магомету, то...

– Слушай, Леш. Ты мне мотоцикл помог купить?

– Ну...

– Помог. Ты мне его ремонтировать помогаешь?

– Ну...

– С меня пиво!

– А-а... – он не любил пиво, но игру принял. – Где?

Клюнуло... Подсекаем...

Нет, правда, а что мне оставалось делать? Он приходил по первому зову, всегда оказывался там, где нужно было быть, помогал, чем мог, и ничего не просил взамен. Он молча исчезал, когда его помощь не требовалась. Он был настоящим мужчиной.

...В первый раз мы поцеловались на следующий день около двух часов ночи на лавочке в моем квартале. Мы долго сидели в кафе, но пиво почти не пили. Алексей вообще не любил алкогольные напитки, пиво он пил, как лимон ел, его кривило и перекашивало, но положение байкера обязывало пить пиво, и он старался. Потом мы гуляли по городу, ели мороженое, сидели и болтали на скамейке где-то в сквере. Потом он пошел меня провожать, мы сели на лавочку у дома, и я стала показывать ему звезды: Альтаир, Арктур, Вегу. Он с интересом посмотрел только на созвездие Большой Медведицы, – это было «полезное» созвездие, по нему можно было определять направление. По-моему, он скучал. Я говорила, говорила, говорила... Наконец, я исчерпала все темы для разговора и разочарованно вздохнула. Чего же ты тогда тут сидишь, байкер?

– Ладно, пора спать, – сказала я, – пока!

Я наклонилась, чтобы невинно чмокнуть его в щеку, но он вдруг резко, сильно привлек меня к себе и впился губами в губы. Хватка его рук оказалась бульдожьей – не вырваться и не пошевелиться. Да я и не вырывалась...

– Чего же ты столько ждал? – спросила я намного позже.

– Я не ждал, – ответил он серьезно, – я приглядывался.

Закрытие

(1998 год, 19 сентября)

...Это было самое первое закрытие самого первого сезона. Так уж странно получилось: открывать не открывали, а закрытие сезона все же устроили. Плотный, ровный берег Китоа зарос медовым, шуршащим на ветру ковылем, то там, то тут торчали редкие сухие тонкие сосенки, податливые ветви ивы с длинными, жесткими листьями издавали металлический шелест. Мы варили в солдатском котелке походный суп и поджидали иркутян. Нас было всего восемь человек: Денис в новенькой косухе со своим другом, имени которого никто не помнил, потому что все называли его Ушастым, я, Алексей, Радик с женой приехал на том самом злополучном «Кавасаки». Радик был самым старшим из нас и самым предусмотрительным и осторожным. Он осаживал совсем еще молодых мальчишек и нешуточно кричал на них, если они бессмысленно лихачили в городе. Он ездил в длинном непромокаемом плаще и никогда не рисковал. Парни так и прозвали его: «Чэпэ» или «Черный плащ». Он всех сдерживал и на все смотрел критическим взглядом умудренного жизненным опытом человека. Если все ехали в Иркутск, и сзади колонну догоняла черная туча, предвещающая бурю или грозу, Радик останавливался и говорил подъехавшим товарищам: «А ну его на фиг, чего я не видел в этом Иркутске!» и поворачивал назад, успевая до ненастья добраться до дома. Остальные промокали в своих форсистых курточках и джинсах, как хвастался Белецкий, «до трусов» и замерзали, наверное, до чертиков. Я подозреваю, что ему было просто-напросто неинтересно ехать «на Шпиль». Чего он там не видел? Дома его ждала темпераментная Марго, мотоциклисты сами приезжали в Ангарск, так что познакомиться с ними и посмотреть на мотоциклы можно было дома, «не отходя от кассы». Так зачем же было ехать?

Глядя на мужа, Марго сразу же приняла правила игры «в байкеров», – она нашла себе кожаных курток, кепок, брюк и ремешков, накупила перчаток и высоких сапог. Она была эффектной и совсем нехуденькой блондинкой, сзади и спереди выпирало то, что надо, и все это смотрелось на ней аппетитно.

Седьмым был отчаянный лихач Ян. Ему было только семнадцать, и он гонял на ярко-красном, прытком, вонючем «Юпитере». Один раз, один только раз Радик сел вторым номером на его мотоцикл, и этот раз был последним. Когда Радик слез с мотоцикла, он был бледный, злой и долго ругался, что с таким смертником он больше ездить не будет.

– Слышь, Антон, да он просто псих! – возмущенно вопил Радик Белецкому, а тот с ухмылочкой смотрел на него сквозь дым от зажатой в зубах сигареты.

Ян безоговорочно принял лидерство Белецкого. Этим летом он закончил профтехучилище и пошел работать к Белецкому в сервис. Его родители даже специально ездили знакомиться с Антоном, чтобы убедиться, что ничего опасного для сына в этом знакомстве и в этой работе нет.

Восьмым был фотограф Митя, он сидел в стороне и с любопытством смотрел по сторонам, то и дело влазил в разговор, но вел себя тише обычного.

Белецкий отправился в город за своей подругой.

Я и Марго сходили на реку, почистили картошки и сварили суп с тушенкой. Мелко порезанная картошка быстро сварилась, и от котелка пошел смачный мясной дух. В животах заурчало. Мы поглядывали на озаренный неярким сентябрьским предобеденным солнцем пригорок, но иркутян все еще не было.

– А-а, хватит! – рубанул Радик. – Сколько можно ждать? Давай разливай! Я не завтракал!

Марго ухватила тонкой рукой с яркими, кровавыми ногтями черпак, взяла эмалированную миску, обернулась к нам.

– Ян, Леха, Алина, будете?

– Давайте иркутян подождем, сейчас приедут. Замерзнут ведь, как собаки, а тут им горяченького!

– Ну-у, ладно, – Радик нехотя вернулся на место, Марго опустила миску.

– Да хватит ждать! – вдруг крикнул Ян. – Вон едут!

Лес вдруг ожил и наполнился ревом моторов, за сосенками замелькали яркие куртки. Сколько же их? Раз, два, три, четыре... шесть, семь... Еще едут! Да тут не только иркутяне, но даже ребята из Слюдянки приехали! Их всего двое, и оба приехали на «Уралах» от которых просто «отстегнуты» коляски, но ведь до Слюдянки двести километров, а утро – такое холодное, что они оба внушали нам невольное уважение. Мы бросились к ним, здоровались, торопливо рассматривали мотоциклы: на поляну прибыли «Уралы», «Явы» и даже кроссовый «Сузуки»! Я увидела знакомые лица иркутян: приехали Руслан и Виктор Макаров. А Илья! Боже мой, Илья приехал на собственном, ярко-зеленом «Урале» со старинным овальным обтекателем. Мы с Виктором обнялись, Руслан держался более официально и улыбался, поглядывая на нас, потом мы стали осматривать уже знакомые мотоциклы. Виктор немного обрезал глушители, и звук мотоцикла изменился. Да это же настоящий БТР! Виктор тер покрасневший от холода нос, неуверенно смотрел на нас, не решаясь спросить, но потом все же спросил, оглядываясь на костер:

– А чаю горячего нет?

– Ну как же нет, все есть! – Мы с Алексеем потащили иркутян и ребят из Слюдянки к костру, разлили по тарелкам дымящийся суп, который искрился капельками жира.

Оказалось, мы забыли ложки! Где ложки? Все шарили по карманам и сумкам, но есть пришлось по очереди.

Как это было здорово! Держа на весу миски, мы ходили между мотоциклами и говорили, говорили, говорили, словно не виделись целую вечность. Парни то и дело замирали в немом восхищении у какой-нибудь особо понравившейся хромированной детали и забывали о еде, суп остывал, а громадные куски дырчатого белого хлеба черствели на ветру.

А потом были соревнования: кто быстрее проедет по лесной извилистой дороге «вот отсюда и туда», кто медленнее одолеет вот эти кочки и подъем на пригорок, кто быстрее с завязанными глазами проедет по отмеченной колышками извилистой трассе. Это было ново, это было весело, а главное, мы делали это все вместе. Падали много, почему-то либо до, либо после финиша, но ни одно падение не имело серьезных последствий, ведь падали на мягкой, еще не успевшей промерзнуть земле. Когда надоело утюжить мотоциклами пригорок, стали биться на мешках, набитых травой на высоком бревне. Тянули канат: Ангарск против Иркутска. Виктор Макаров пытался на пригорке поставить «Урал» на заднее колесо. Он утверждал, что на Шпиле сумел это сделать.

Быстро выяснилось, что фотографу Мите нельзя было пить, – «мякнув» чуточку «Столичной», которую привезли с собой ребята из Слюдянки, он стал невыносимым: приставал к девушкам, ронял мотоциклы, но больше всего неприятностей он принес Денису. Во время соревнований на повороте Денис слишком сильно разогнал мотоцикл и вылетел с дороги. И все бы ничего, но на обочине сидел совсем уже пьяненький Митя и увернуться от тяжелого «Соло» быстро не смог. Денис же в силу своего человеколюбия решил не гробить фотографа, свернул, врезался в дерево и упал, помяв бак. День для него был испорчен.

– Я его убить готов! Это же столько работы теперь... – горячим шепотом говорил он Алексею. – Но если бы я не отвернул, я бы ему между ног проехал... Что он все время под мотоциклы лезет?

В конце концов Митя надоел всем, и Белецкий принял мудрое решение: он отвез Митю домой. Пока они ехали в Ангарск, счастливый от водки Митя показывал всем встречным и поперечным водителям «фак» – тот самый знаменитый жест, когда мотоциклист показывает

оппоненту средний палец. По-видимому, он решил, что он – тоже байкер и ему позволено все. Когда Белецкий заметил это, его терпение лопнуло, и он что есть силы грохнул кулаком по шлему Мити. Тот трусливо затих и не шевелился до самого дома.

– Представляешь, я накатал на поляне двадцать километров, – подъехал ко мне возбужденный после соревнований Алексей. – Хотя где тут наездить-то их? Негде! А наездил! – его глаза блестели, волосы были взъерошены, он раздумялся от свежего воздуха и лесной прохлады. – Пиво будешь?

– Да ну его, холодно... Не хочу.

– Замерзла? Пойдем к костру.

Рядом с костром ребята из Слюдянки поставили палатку, кого-то туда уже отнесли за руки-за ноги. На бревне сидел трезвый, довольный Радик и счастливая, пьяненькая Марго.

– Ну что, все в порядке? – спросил Радик. – Как Денис? Дени-и-ис! Иди сюда. Не горюй, лучше выпей!

– Не буду, – грустно ответил издалека Денис. – Я домой поехал... – он завел мотоцикл.

– Ладно, езжай... – Радик скривился.

Веселье на поляне стало постепенно замирать. Еще громко переговаривались крепко выпившие ребята из Слюдянки, и Радик поставил кипятиться на костер воду, вернулся Белецкий и привез с собой пива, еще громко смеялась раскрасневшаяся Марго, но уже стало ясно, что все позади. Из рта шел пар, а от воды, стояло солнцу только чуть-чуть опуститься за макушки сосен, стал подниматься туман. Все посерьезнели. Иркутяне засобирались в дорогу.

– Поедем?... – Алексей высказал то, о чем я уже подумала. Как хорошо, что мы так одинаково чувствуем.

Я кивнула, и мы пошли к костру собирать вещи. Впрочем, что мы могли собрать? И ложки, и чашки, и даже солдатский котелок пришлось оставить.

– Ты не волнуйся, Леха, заедешь завтра ко мне, заберешь, – сказал Радик.

Я уезжала со странным чувством, что все-таки нехорошо вот так уезжать в город и ночевать в теплой квартире, а гостей, которые приехали по такому холоду за двести километров, оставлять ночевать в палатке. Хотя, с другой стороны, холодно им точно не будет...

Вскоре я забыла об этом. Мы выехали на объездную, Алексей поддал газу, и «Урал» влетел на новый Китойский мост. Я оглянулась. За нами выстроилась маленькая колонна иркутян, догорал костер на берегу Китоя, яркой брусничкой горело тонувшее во облаках солнце. Алексей включил поворотник и на развязке ушел вправо, я прощально махнула рукой иркутянам. На виадуке я увидела, как раздавленная ягода солнца сверкнула в последний раз, и горизонт затянуло тяжелым туманом. Сезон закончился.

...Еще одним событием в этом году стало для меня получение «прав». Это произошло уже в самом конце сентября, ледяным и ветреным утром. Я без труда «отстрелялась» по вопросам, нервничая, кое-как сдала экзамен по вождению на автомобиле. Когда мы вернулись к управлению ГИБДД, там уже ждал Алексей со своим «Уралом».

Кроме меня на категорию «А» в этот день сдавал еще молоденький мальчик, он приехал со своим другом на «Сове». Инструктор подвел нас всех к небольшой, огороженной металлическим заборчиком площадке.

– Вот здесь. Откатайте восьмерку, больше ничего не надо.

Первым поехал мальчишка. Старательно, медленно, почти теряя равновесие, он откатал положенную восьмерку. Инструктор кивнул и сделал у себя отметку. Настала моя очередь. Алексей завел «Соло». Вся на взводе, я села на тяжелый мотоцикл. Еще никогда он не казался мне таким большим и неуклюжим. Чуть сильнее, чем нужно, дав газу, я буквально вылетела на площадку. Ограждение быстро приблизилось. Не зевать! Я наклонила «Урал» в стремитель-

ный поворот, еще поддала газу, потом скинула его, выпрямила мотоцикл и переложила его на другую сторону. Восьмерку, говоришь? Будет тебе инструктор, восьмерка! А теперь еще раз! Наверное, он никогда не видел, чтобы восьмерку крутили на «Урале» на таком пяточке, и поэтому после первой же фигуры скомандовал: «Хватит!», но я его не слышала, и только, когда «Хватит! Стоп!» закричал уже Алексей, опомнилась, резко осадила мотоцикл возле инструктора, который удивленно смотрел на меня и смеялся.

– Экзамен вы сдали! У меня тоже сестра на мотоцикле гоняет, да я и сам мотокроссом в свое время увлекался, даже чемпионом области был. Я вам дам совет, – сказал он, когда мы шли в управление, – всегда садитесь ближе к баку, коленями зажимайте бак, так лучше чувствуешь мотоцикл. И никогда ничего не бойтесь! Тогда не упадете.

После обеда я отстояла около часа возле двери экзаменационного кабинета, потом меня вызвали по фамилии, сфотографировали, тут же заламинировали «права» и выдали их мне на руки под роспись. Я совсем не помнила, как вышла на крыльцо и даже как ехала домой тоже не помню. Я пришла, упала на тахту, уснула и проспала четыре часа. Вечером приехал Алексей.

Вообще-то, есть такое неписаное правило – в день получения «права» обмывать нельзя, иначе отберут «по пьянке». Но мы же люди непьющие! Что нам эти правила! И мы, на радостях, выпили вина. Белого. Кислого! И захмелели от двух бокалов, потому что ни я, ни он с самого утра ничего не ели... А еще мы захмелели друг от друга... И что было потом, я никому никогда не скажу. Незачем про это рассказывать...

Гараж

(1998—1999 год, межсезонье)

...Не надо думать, что холодное время года успокоило нас, и мы впали в спячку. Мне каждую ночь снились мотоциклы, если я и преувеличиваю, то совсем немного. Я все время куда-то ехала, ехала... Песчаная, желтая дорога сменялась серой бетонкой, я видела какие-то мосты, сложные развязки, я месила грязь и плотала пыль, но просыпалась по-прежнему на своей старенькой, проваленной тахте. В один прекрасный момент я поняла, что байкер – это тот, которому наплевать на все, кроме мотоциклов. Неважно все: работа, мытье посуды, одежда, в которой ты ходишь, если это, конечно, не байкерский прикид, даже любовь мужчины или женщины не так уж и важна, пока есть мотоциклы. Это поглощает всего тебя, без остатка, а если не поглощает, значит, ты не байкер. Точка.

Вторым признаком сумасшествия было то, что мне стала безразлична работа. Мне вдруг стало скучно, неинтересно, работа оказалась нужна только для того, чтобы заработать денег на бензин и безбедное существование летом.

Третьим признаком ненормальности стало то, что я каждый вечер и каждые выходные проводила в гараже Алексея в поселке Северном. Когда в Митином гараже стало совсем холодно, Алексей перегнал мотоцикл к себе. Митя и тут проявил свою зловредную сущность: сначала он разрешил мне оставить в его гараже не нужную мне коляску, а потом, когда дороги уже покрылись льдом, вдруг заявил, что вот-вот купит себе машину, и моя коляска в гараже совершенно не нужна. Наверное, он просто хотел, чтобы я заплатила больше. Алексею пришлось в гололед ехать в «Привокзальный» на тяжелой одиночке с колесами на девятнадцать дюймов, при этом его ноги едва доставали до земли, там присоединять коляску, а потом гнать мотоцикл обратно. Алексей с честью прошел это испытание, чем еще больше заслужил мое уважение. Митя же так и не купил себе машину. Поделом...

Небольшой деревянный гараж стоял на самом краю земельного участка, Алексей включал обогреватель, и температура в гараже даже в самые лютые морозы не падала ниже плюс десяти градусов. Я все равно замерзала и поэтому притащила в гараж теплые вещи, напяливала прямо на джинсы спецовку, которую мне выдавал Алексей, и помогала ему.

Это был очень странный гараж, – здесь пахло не только бензином и маслом, но и деревом. Рожковые ключи были пунктуально, по размерам висели на вбитых в стену парных гвоздях, инструменты аккуратно лежали на полках. Гаечки, болтики, шайбочки, гроверы, – все было педантично разложено по специальным плотно закрытым баночкам. Для разобранных деталей мотоцикла всегда находились коробки и коробочки, так что потерять что-нибудь в этом безупречном порядке было невозможно. Каждый раз, прежде чем закончить работу, Алексей тщательно прибирался, и только убедившись, что каждая вещь находится на своем, только для нее предназначенном месте, уходил. Он не терпел разгильдяйства. Когда я узнала, что он родился в Якутске, то заявила, что в нем, без всякого сомнения, течет кровь северных кочевников: ведь у кочевых народов каждая вещь веками кладется на свое место.

Сначала мы разбирали мой мотоцикл и по ходу дела отмывали его от грязи. Потом стали его переделывать. Вернее, Алексей говорил, что он будет делать, а я только уважительно внимала и помогала. Мы сняли с мотоцикла бак и крылья, потом зачищали поржавевшие места, шпатлевали, затирали шпатлевку и краску. Когда детали стали похожи на гладкое пасхальное яичко, Алексей отнес их в гараж к Денису. Тот оказался кудесником и бесплатно, быстро и очень качественно покрасил детали обычным пылесосом. Краску они выбирали вместе, взяли наобум банку «Тиккурилы». На банке было написано – «Босфор». Цвет оказался странным – неожиданно насыщенным, ярким, он напоминал мне глубокое, синее море.

Потом мы опустили пониже уродливое, квадратное переднее крыло, купили и установили вторую пару поворотников, и приступили к самому трудному: и обоих мотоциклах Алексей хотел сделать сиденье «ступенькой». Основу он выкроил из картона, потом перенес все на лист металла, вырезал его, согнул, сварил в «Рембыттехнике», потом тоже самое сделал с моим сиденьем и всучил все это мне!

– Обшивай!

Эта была катастрофа! Я засуеилась и решила пожертвовать подушками от тахты. Все равно я ее не складываю, значит, половина подушек мне не нужна. Тахта была изготовлена в далеком девяносто втором году неизвестными умельцами. Под коричневой дерюжиной оказалась очень полезная вещь – автомобильная резина для сидений. Я обычным лезвием вырезала нужные куски, взяла клей «Момент» и обклеила основу так, как нравилось.

Не могу сказать, что все зависело только от моей фантазии. Алексей, как мог, все время старался развивать мое эстетическое восприятие мотоциклов, потому что в самом начале я ошибочно, как многие новички, считала, что мотоцикл может быть вот таким и вот таким, и при этом обязательно должен быть черным, но вскоре убедилась, что палитра цветов по-настоящему красивых мотоциклов гораздо шире, а ряд совершенных моделей приближается к бесконечности. Алексей приносил мне мотоциклетные журналы, и мы часами читали статьи о самоделках и рассматривали хромированные, тюнингованные мотоциклы, так что я «все сделала правильно». С обтяжкой обклеенной основы пришлось помучиться. Дело в том, что шить я, конечно, умела, но в пределах школьных уроков труда. Я вытащила давно забытую в углу бабушкину ножную машинку в центр комнаты и к концу дня завалила все свободное пространство обрезками черного дерматина, подкладки и кусками синтепона. Выкройка не желала ложиться на основу, дерматин перекашивало, я сшивала лицевую и изнаночную стороны деталей, распарывала, снова сшивала, швы морщило, а я ничего не могла с этим поделать. К концу дня я распоролла себе ладони иголкой, чертыхалась и разве что волосы на себе не рвала. Дело пошло на лад только через неделю. Зря Алексей дал мне на обшивку свое сиденье первым, как я ни старалась, но идеально у меня не получилось, дерматин морщило. Второе сиденье я сшила более удачно.

Теперь дело встало за дугами безопасности. Ну да, это сейчас все просто, – пошел и купил. А тогда все было намного интереснее. Дуги решили сделать из нержавейки. Чтобы ее купить, пришлось дать объявление в газету. Обрезок трубы нужной длины и необходимого диаметра я приобрела у какого-то парня на остановке автобуса. Трубогиба не было нигде, кроме как у слесарей жэка. Но Алексей уперся и решил не давать мне второго шанса испортить нержавейку. Свой первый шанс я использовала еще осенью. Я отдала трубу в жэк. Кривые и косые, согнутые «об коленку» дуги неммым укором висели на стене гаража, каждый раз напоминая мне о том, что нельзя быть такой дурой! Тем более, нельзя платить за такое убожество деньги! После долгих поисков оказалось, что трубогиб есть на неизвестном и таинственном предприятии Востхиммонтаж. Предприятие располагалось на окраине города в Седьмом поселке. Я взяла трубу, взяла снятые с «Соло» дуги и поехала туда. В кабинете полупустого четырехэтажного здания управления толстые тетя-технологи быстро произвели расчет необходимых манипуляций, оценили работу и выписали мне пропуск. В высоком шумном цехе я нашла нужного мне специалиста Петровича, который, выслушав меня, махнул рукой:

– Зачем вам технологи! Дайте сюда, я все сделаю сам! Вот мой телефон, давайте запишу ваш, как будет готово, созвонимся.

Через неделю он ждал меня у дыры в заборе. Я отдала деньги и взяла свой «товар». Как тать, я кралась вдоль забора, громко хрустя снегом, в одной руке держа хромированные дуги от «Соло», а в другой – мои новенькие, ровненькие, родненькие дуги из нержавеющей стали. Мне хотелось их целовать. С перепугу я шарахнулась от мужчины в форменной кепке, который гулял возле гаражей с собачкой. Мужчина усмехнулся, поняв, почему у меня такой

испуганный вид, а я, окончательно смутившись, по глубоким сугробам зарысила к автобусу, волоча за собой тяжелые дуги.

Еще нам пришлось повозиться с сумочкой для ключей. На «Соло» бардачок был устроен прямо на баке, я же менять бак не хотела, – все-таки лишний литр бензина мне не помешает. После долгих раздумий решили поместить «ридикюль» справа от сиденья. Алексей раздобыл металлическую коробочку из-под какого-то контрольно-измерительного прибора, я обшила ее кожей, сделала клапан, Алексей прикрепил металлический замочек, и сумочка стала похожа на миниатюрный портфель. С помощью сложной системы ремней мы прикрепили ее к раме так, чтобы она не смещалась во время езды. В нее входил комплект рожковых ключей небольших размеров, отвертка, набор крепежа, свечной ключ, ветошь, нож, кусок камеры и много другой не менее полезной в дороге мелочи.

А потом Алексей сделал красивые ажурные спинки и багажники, а мне все это пришлось полировать. А потом он взялся за свой мотоцикл и решил выяснить, почему тот «ест» масло...

Ворота этого замечательного гаража вели на улицу Зеленую, а дверь и маленькое мерзлое окошко выходили в занесенный снегом огород, который охраняли две собаки – Мухтар и Бим. Будка молодого, похожего на овчарку Бима была сразу возле двери, а будка старого, мохнатого, умного Мухтара – возле калитки. Он охранял дом. За гаражом стояла теплая баня, в предбанник которой мы после работы ходили мыть руки. Алексей широким жестом зачерпывал алюминиевым ковшом ледяную воду из металлической двухсотлитровой синей бочки, сливал в умывальник, потом заходил в парную, выносил оттуда дымящийся ковш кипятка, добавлял, совал мне сухой жесткий обмылок. Умывальник звенел язычком, белая раковина покрывалась серыми разводами мыльной грязи. Отмыть «мазуту», то есть черную гаражную грязь, мне удавалось далеко не всегда. Она оставалась в мелких морщинках кожи, под ногтями и даже на лице. Алексей смеялся, заставляя меня смотреться в зеркало, и редко бывало так, чтобы лицо мое оставалось чистым. Отмывшись сам, Алексей совал мне вафельное полотенце, несколькими движениями ополаскивал раковину от пятен грязи и вел меня в дом, отогреваться.

Шагая по деревянным, расчищенным от снега трапам, я видела зеленый туалет за баней, в перспективу уходила большая стеклянная теплица. Заметенное снегом картофельное поле на задах было обнесено стареньким деревянным забором, через который виднелся недостроенный кирпичный коттедж, стоявший уже на самом берегу Китоа. Дальше, за снежным потоком реки, были только серые голенькие тополя, выстроенные в ряд у того берега, да пепельный лес за ними. Но дальний берег Китоа можно было рассмотреть только в выходные дни. Обычно в будни я в сумерках тихонько проскальзывала в гараж через ворота, а в огород попадала только тогда, когда на улице окончательно темнело.

Пройдя по трапу, мы открывали калитку и попадали в маленький дворик, со всех сторон обнесенный заборчиком. Алексей держал Мухтара в будке, пока я проходила в дом. Первая шаткая дверь на веранду была затянута сеткой, открыв вторую, я оказывалась на темной, промерзлой веранде, здесь стояли старенький низкий сервант и такой же бывалый холодильник, вдоль стены покоился дряхлый тяжелый диван, на котором были свалены ненужные вещи. С одной стороны были оштукатуренные бревна, с другой – заиндевевшие стеклины окон. Мне в любой мороз казалось, что на веранде холоднее, чем на улице, даже если на улице был сильный ветер. Не знаю, с чем это было связано, может, с тем, что здесь всегда было темно и остро пахло погребом, землей, мышами и соленой капустой. Алексей подталкивал меня вперед, но я, мучительно стесняясь его родителей, упиралась и оборачивалась к нему.

– Ну иди первым... Ну что ты, в самом деле...

– Давай, давай, чего ты боишься, они не кусаются.

Мне было очень стыдно смотреть ему в глаза, но поделаться с собой я ничего не могла.

Они не кусались, это было верно, но и особой радости по отношению ко мне не испытывали, а испытывали какое-то неприятное недоумение, совершенно не понимая, как себя вести по отношению ко мне. Они не разговаривали со мной, и все мои попытки разговаривать их вызывали приступы всеобщей немоты. Все испуганно замолкали, заслышав мой голос, и тишину нарушал только громко работающий телевизор. Может быть, я задавала не те вопросы? Я спрашивала их о предстоящих выборах, о политике мэра, о том, что они думают по поводу новых законов. В общем, все те вещи, о которых можно поговорить практически в любой компании, независимо от образованности участников беседы и их политических убеждений. Наверное, нужно было говорить об озимых и рассаде, но ни в озимых, ни в помидорной рассаде я ничего не понимала. По-моему, они смотрели на меня с некоторым ужасом: в растянутом свитере, в старых джинсах, худая, черноволосая, с черными, горящими глазами, с перемазанными в «мазуте» руками, на четыре года старше их сына, к тому же какая-то журналистка, – они не воспринимали меня, да и не могли воспринимать, как подругу Алексея.

Отец Алексея Сергей Петрович был высоким, плотным, почти совсем седым сорокапятилетним мужчиной. Он мельком здоровался со мной, сразу отводил глаза и старался меня не замечать. У него были широкие скулы кочевника и темные глаза.

Мама Алексея Людмила Иннокентьевна внешне была противоположностью мужа – невысокая, светловолосая, круглолицая, сероглазая, телом справная, она отличалась молчаливостью и необычайным спокойствием, во всяком случае я никогда не видела ее в гневе. Она была выносливой и работающей, а один раз я стала свидетелем очень красноречивой сцены: вдвоем с бабушкой Алексея Евдокией Давыдовной они работали у теплицы, когда появились мы. Людмила Иннокентьевна попросила сына помочь, залезть на крышу теплицы поправить две стеклины. Алексей послушно исполнил, что ему велели, но слезть не смог, – было высоко. Тщедушная, но тем не менее, весьма энергичная Евдокия Давыдовна заторопилась:

– Лестницу, надо бы лестницу!

– Но-о, еще чего! – протянула Людмила Иннокентьевна и сняла своего двадцатичетырехлетнего сына с теплицы.

А однажды, как рассказывал Алексей, она зимним вечером шла с работы домой. От остановки трамвая до дома было, наверное, минут двадцать неспешной ходьбы. Кругом не было ни души, одни сугробы, и только собаки за заборами брехали. Путь уставшей с работы женщины пересекся с грязной дорожкой извращенца. Неизвестно, откуда он взялся в поселке, но той зимой женщины встречали его часто. Настал черед и Людмилы Иннокентьевны. Она шагала широко, рослый бойкий мужичонка забегал то с одной стороны, то с другой, производил известные манипуляции, и обманувшись молчаливостью жертвы, уже совсем было обнаглел и решил от слов и жестов перейти к действиям, как вдалеке показались люди.

– Ну мамка и навернула его что есть мочи сумкой, да и почесала к народу, – так закончил свой рассказ Алексей.

– А в сумке что было? – быстро сообразив, что добром для мерзавца это не закончилось, спросила я.

– Ну мясо.

– Сколько?

– Да сколько мамка носит? Килограммов восемь... Больше его никто не видел.

Я восхищалась этой удивительной женщиной, но это никак не помогало наладить контакт.

Алексей распахивал тяжелую, оббитую войлоком и дерматином дверь, вталкивал меня вместе с клубами холода в чисто побеленную, натопленную избу, быстро захлопывал за собой дверь. Я тихо, стараясь вежливо улыбаться, здоровалась со всеми, а он отыскивал мне свои тапочки. Размер ноги всех женщин в семье был маленьким, – самые большие тапки оказались тридцать пятого размера, и поэтому мне приходилось довольствоваться мужскими. Я скиды-

вала насквозь промерзшие ботинки, переобувалась, но теплее мне от этого не становилось, и я сиротливо жалась к печке, стараясь набраться от нее тепла на дорогу, ведь мне нужно было еще ехать домой.

Потом Алексей тащил меня к столу, сажал на покрытый пластиком табурет, поил жиденьким горячим чаем и угощал колбасой. Чай я пила неохотно, а вот перед колбасой устоять не могла, и, нет-нет, да и тянула к себе круглый, розовый, ароматно пахнущий кусок... Алексей о чем-то говорил с родителями, я отмалчивалась, все время ожидая, когда же можно будет закончить этот «визит вежливости» и рвануть наконец домой. Я просительно смотрела на Алексея, заглядывала ему в глаза... Ему это надоедало, через какое-то время он решал, что с меня на сегодня достаточно, и шел меня провожать.

Два раза в неделю мы ходили в клуб, который Радик обустроил в подвале своего дома. Он жил недалеко от автостанции, в старом, двухэтажном доме. Одно время подвал облюбовали наркоманы, и жильцы вздохнули с облегчением, когда Радик выгнал всех недоумков вшаей, вварил в металлическую дверь хитрый замок и стащил вниз по крутой, пахнущей сыростью лестнице «Кавасаки», который он купил у Белецкого.

Через неделю в подвале было уже четыре мотоцикла, а все остальное пространство оказалось завалено инструментом и запчастями. Один угол парни расчистили, – здесь стоял столик, тумбочка с чайником, скамейка и пара стульев. На стенах, кроме положенных в таких случаях плакатов с мотоциклами, красовались предупредительные таблички: «Закончил – убери станок!», «Не включать! Ведутся работы!», «Лифт не работает!» В трубах шумело отопление, воняло табаком и маслом, в общем, местечко было колоритное. Первое же собрание Белецкий объявил учредительным и пообещал, что, «один хороший человек» сразу же займется регистрацией клуба, как только решатся какие-то проблемы, и мы получим официальный статус. Президентом клуба был избран сам Белецкий. По-видимому, проблемы так никогда и не закончились, потому что официально клуб так и не был зарегистрирован. Собственно говоря, мы собирались там просто, чтобы пообщаться. Мы пили пиво, то есть пили его, в общем-то, другие, Алексей, как всегда, делал вид, что пьет, а я пила немного, добавляя в ледяное пиво чуточку теплой воды. Мы говорили о мотоциклах, о переделках, менялись запчастями, обменивались информацией, рассказывали друг другу смешные и страшные истории.

Так прошла невообразимо длинная, морозная зима. А когда за окном вдруг затренькало, зазвенело по крышам, загомонило, когда снег превратился в лед, лед – в воду, а вода постепенно паром сошла с асфальта, на дороге появился первый мотоциклист. Это был мужичок в телогрейке, в полиэтиленовом, красном шлеме с черным, пластмассовым козырьком и в резиновых сапогах на старом, зеленом, колхозном «Урале». Он проехал мимо нас, двигатель «Урала» работал, как ножная швейная машинка, – но работал же! не сбоил! – и исчез за поворотом. И тогда мы поняли, что зима закончилась. И бросились собирать мотоциклы. И я в первый раз поняла, – какое это чудо, когда из раскиданных по ведрам и ящикам неказистых и иногда грубо обработанных деталей вдруг появляется нечто уже совсем иной организации. И есть в этом нечто и сила, и некая стройность, и завершенность, и даже плавность линий. И каждая деталь, обласканная теплом твоих рук, становится родной. И даже что-то человеческое начинает вдруг присутствовать в этом холодном, блестящем, как скальпель хирурга, и, казалось бы, совсем бездушном железе...

И тут с Алексеем что-то случилось. До этого, как будто равнодушный к бесчувственному металлу, он вдруг начал ревностно охранять мотоцикл от меня! Стоило ключу в моей неопытной еще руке сорваться, оставляя на безупречной покраске крохотную царапину, как он зверел.

– Что ты делаешь, отойди от мотоцикла! Немедленно!

Я испуганно роняла ключ на пол и отскакивала в угол гаража. Ладно, хочет поорать, пускай орет, решила я в конце концов и стала ждать, что из всего этого получится. Не получилось ровным счетом ничего. То ли Алексей все же понял, что это мой мотоцикл, то ли сообразил,

что я могу вообще бросить все, но это весеннее сумасшествие прошло само собой. Скорее всего, оно было вызвано тем, что, отладив и согрев собственными руками каждую частичку мотоцикла, он стал считать его своим, а я оказалась в этой ситуации третьим лишним.

Ссора

(2002 год, 27 июня)

... Меня будит толчок в плечо. Ну почему нельзя оставить меня в покое? Я на мгновение высовываю нос из-под края спальника и тут же втягиваю голову в плечи. Хо-ло-дры-га! А деваться-то некуда. Совсем. Надо вылезать из спальника, напяливать на себя холодную, волглую косуху и идти собирать вещи. Вдруг сегодня нам повезет и будет хоть чуточку полегче?

Не повезет, не может повезти: впереди девять печально знаменитых грязевых ванн, водители вездеходов все уши нам про них прожужжали. И КАМАЗы там вязнут, и УАЗики там по крышу проваливаются. Так что легче не будет. А значит, надо вставать и идти.

Небо снова затянуто облаками. Это не беленькие вчерашние овечки, это предвестники дождя. Кажется, снова капает. Мы не завтракаем, – экономим продукты. Я собираю вещи, скапываю спальники, коврики, распахиваю свитера и носки по пакетам. Алексей крепит багаж к «Уралу» с коляской. Остальные тоже суетятся, прогревают мотоциклы, скидывают вещички. Они почему-то никогда не ждут нас, и мы всегда немного опаздываем, совсем чуть-чуть, секунд на тридцать. И этих тридцати секунд вполне хватает, чтобы наши мотоциклы оказались в самом хвосте колонны. Будаеву это даже нравится, – он едет почти последним и совершенно точно знает, что с сыном все в порядке. Алексей на одиночке едет замыкающим, и я постоянно оглядываюсь, потому что одиночка – самый опасный мотоцикл, на нем можно упасть, на нем легче улететь с дороги под обрыв, ведь местами Алексей едет на нем стоя, как на кроссовом мотоцикле, а значит, не может вовремя переключиться или затормозить, – ворочать рулем одиночки нелегко, я знаю о чем говорю, я сама им недавно ворочала.

А ведь опаздываем мы не по своей вине, просто в коляске у Алексея сложены запчасти на всю команду и котелки, на каждой стоянке кто-нибудь ремонтируется, оставшиеся запчасти и помытые котелки парни отдают Алексею в последний момент, а ведь ему нужно все аккуратно уложить, иначе багаж просто не войдет в коляску. Вот и сейчас все уже прогревают мотоциклы, а мы только-только упаковались. Алексей торопливо заканчивает привязывать «Манарагу», я прогреваю одиночку. Уж это-то я могу сделать. Алексей машет мне рукой.

– Да иди же ты! Иди, вон, на ту сторону!

Я нерешительно топчусь на месте.

Алексей разворачивает мотоцикл с коляской, съезжает с насыпи и штурмует реку вброд. Веер черных брызг разлетается в терпком, как глоток молодого вина, чистом воздухе. На мгновение, только на мгновение он буксует почти у самого берега, но «Урал» справляется с нагрузкой, зубастая резина цепляется за камни, и мотоцикл вырывается на берег.

Я осторожно перехожу по старым трухлявым бревнам моста на ту сторону. Когда их положили? В конце тридцатых? В сороковых? Железное все же дерево – лиственница! Но даже оно не выдерживает шестьдесят лет бессрочной службы: оно крошится под сапогами, щепки летят вниз, в черную, блестящую воду. Остальные едут вслед за мной, я отступаю в сторону на одиночные бревна, чтобы пропустить мотоциклы. Будаев перегоняет свой мотоцикл, потом уступает его Юрке, заводит оставленный Алексеем «Урал» с коляской.

– Подождем Лешу? – прошу я, он безразлично смотрит назад, убеждается, что Алексей сел на одиночку и трогается с места.

Я вскакиваю в седло в последний момент. На часах – семь тридцать. Дорога снова вьется между сопок, которые становятся все выше.

Мы выходим к Светлой только через час. Из-за дождей черно-синяя река вздулась, и на дороге образовались прижимы.

Вопреки моим опасениям, облака тают, и показывается солнце. Вода от этого становится еще более черной, кажется, что река до краев наполнена чернилами. Дорога идет совсем рядом с водой, стихия поглотила крутой берег, и теперь река течет под колесами мотоциклов. Слева словно нарисован черно-белой краской каменистый крутой обрыв. Кое-где с него свешиваются чахлые кустики, вверх торчат тонюсенькие молодые пихты. Разминуться на такой дороге с грузовой фурой невозможно, и я молю Бога, чтобы нам не встретился вездеход.

Оказалось, обещанные прижимы можно проехать. Здесь не такая уж плохая дорога, главное препятствие – большие камни, которые совсем не видно под водой. Мотоциклы виснут на них рамами колясок и поддонами. Зрелище необычное: плавное течение, черная вода отражает небеса прямо под ногами. Кажется, что мотоциклы едут по поверхности воды, и только умелые матерки парней возвращают меня к действительности.

Я смотрю на Светлую. Кто придумывал названия странным рекам в этих диких местах? Чем руководствовался этот человек? Вчера мы проезжали Намаму, – она была светлой. Сегодня мы проезжаем Светлую, но она совсем темная и глубокая. Она не меньше пятидесяти метров в ширину, на том берегу стеной стоит тайга, течение медленное, но катится вся эта могучая масса воды с такой устрашающей силой и неумолимостью, что становится не по себе, и ты понимаешь, что эту силу ни что не остановит. Прямо от каменистого полотна дороги начинается глубина, шагнешь, – и не найдет тебя больше никто. Это не синяя глубина солнечного моря и не лазоревая, стерильная глубина бассейна, и даже не мертвенная зелень саянского Китоа, это нечто темное, страшное, затягивающее. И не нужно смотреть на нее так долго: свинцовые воды реки гипнотизируют, и уже не помнишь, ни зачем ты здесь, ни кто ты, ни куда тебе нужно идти. Так можно навсегда остаться сидеть на камне и смотреть в вязкую, тягучую, хрустально-черную бесконечность. Светлая неторопливо катится вдоль суровых берегов, и мне все мерещится, что хранит она в себе какую-то неутоленную печаль.

– Смотри! – отвлекает меня Алексей.

Я возвращаюсь обратно, словно из далека. Оказывается, я сижу на холодном камне, сзади десятиметровый отвесный обрыв. Здесь прижимы заканчиваются, а потом дорога взбирается на крутизну, словно для того чтобы, разбежавшись, кинуться в воду, но в последний момент передумывает, ныряет в сухое русло притока и снова карабкается по круче вверх. Можно только догадываться, насколько высоким должен быть паводок, чтобы приток стал полноводным. Это уже за пределами моего воображения.

Я оборачиваюсь. Алексей нашел среди камней оторванный резиновый брызговик, на котором крупными, белыми буквами написано «Nissan», его оставил тот, кто был здесь до нас. Быть может, это ребята из Новосибирска? У них наверняка были такие внедорожники. Если прошли они, значит... Да ничего это не значит, просто они ехали сухим, жарким летом, когда воды здесь просто не было, а Светлая текла где-то далеко внизу. Мы же влипли, как говорится, по полной.

Мотоциклы один за одним подтягиваются, выстраиваются колонной. Мы снова трогаемся в путь. Вернее, трогаются мотоциклы, я иду пешком, долго лезу в горку. Она не спешит заканчиваться. Мы поднимаемся все выше и выше, слева от нас снова обрыв, склон зарос березняком, но тоненькие, нежные стволы не смогут удержать мотоцикл, если он захочет рвануть вниз. На сложных участках я пытаюсь страховать Алексея, утешая себя тем, что лучше уж пусть мотоцикл переедет через меня, чем Алексей слетит с обрыва. Алексей в опасных местах снова встает на ноги и пытается быстро вертеть коротким ломом руля. Иногда это получается, но не сейчас, сейчас он пролетает мимо меня, заднее колесо мотоцикла скользит на камне, мотоцикл падает, и Алексей колом катится по дороге, сразу же вскакивает на ноги, подбегает к «Уралу», мы вдвоем поднимаем мотоцикл.

– Сейчас, сейчас, давай, – бормочет он, – все в порядке.

Его лицо от усталости ничего не выражает. Он едет дальше, я снова иду пешком, звуки мотоциклов замирают за ближайшими деревьями, и на мгновение становится совсем тихо, я беспокойно оглядываюсь на притихшие в ожидании какого-то события сопки, бегу, задыхаясь, наверх. Я нахожу их в сотне метров выше, парни остановились, чтобы перекурить. Здесь подъем заканчивается, поверх верхушек деревьев я вижу новую долину, дорога уходит между двух сопек вправо.

Делать нечего, едем дальше.

К «ваннам» мы вышли к обеду. Впрочем, обед – он только в цивилизованном мире обед. Нам обедать нечем, значит, надо ехать дальше.

Караван нерешительно останавливается на развилке, влево уходит хорошая, лесная и, главное, сухая дорога. Она вьется между высоких сосен с толстыми, медными стволами, она обманчиво красива, она обещает нетрудный путь. Она похожа на проселок где-то совсем рядом с деревней. Это дорога на Молочный ключ. Я не знаю, что это такое, но это там.

– Он говорил, можно попробовать пройти через Молочный ключ, – Будаев вопросительно смо трит на Вадима, тот молча жует травинку, потом кивает.

– Давай попробуем.

У меня предчувствие, что мы зря сожжем драгоценный бензин, дорога уходит совсем в другую сторону, но я молчу. Караван сворачивает влево, под колесами плотный песок, скорость сразу же растет. Но дорога оказывается такой хорошей только первые семьсот-восемьсот метров, потом мы въезжаем на поросшую сочной, высокой травой поляну и упираемся в густой подлесок. В нем есть тропинки, и даже «Урал» с коляской по ним пройдет, но всем становится ясно, что мы выехали к болоту.

– Надо сходить посмотреть, что там, – тонкий голос Будаева далеко разносится по замолчавшему лесу.

– Леха, пойдем сходим, – после нескольких минут тягостного молчания говорит Вадим.

Алексей уходит вместе с ним, под его черными резиновыми сапогами хлопает вода. Мы остаемся ждать. Парни понуро сидят на мотоциклах. Олег Рудин откидывается на коляску и даже умудряется задремать. Андрей Кравчук сворачивает куртку, кладет на руль, переворачивается, ложится головой на руль, ноги свешивает с сиденья и тоже пытается немного поспать. Будаев отходит к сыну, я просто сижу и жду. Над каждым из нас сразу же начинает виться плотное облако гноса. Мошка настойчиво лезет в глаза и забивается под шлем, в волосы, щеки, за ушами, попадает в нос и в рот при каждом вдохе, надсадно звенят комары. Я отмахиваюсь от них, трясую головой, словно лошадь, но это не помогает. Наконец, я слезаю с сиденья и начинаю бесцельно бродить по поляне, – так меньше кусают.

Ребята возвращаются через двадцать минут. Еще издали Вадим отрицательно машет рукой.

– Не пройти! – говорит он негромко, когда подходит ближе. – Болото... Мы там следы медведя видели. Вот такие! – он показывает, какого размера следы.

Алексей кивает в знак того, что они в самом деле наткнулись на медвежьи следы.

– Рядом прошел, – говорит Вадим, – вода еще набраться не успела.

– А я даже не понял, что это медвежий след, – Алексей говорит мне, но слышат его все, – я сначала подумал – детский. Босиком кто-то прошел.

– А похоже...

Мы возвращаемся на дорогу. Нам не миновать девять ванн, кто-то там, наверху, решил отыгаться на нас. Мы выезжаем к первой луже. Ни у кого нет ни малейшего желания даже сходить померить глубину, всем и так понятно, что мотоцикл здесь утонет. Дорога – сплошной торф, в слое которого вездеходы не один десяток лет продавливали колею. Уж постарались, продавили! Вода в луже коричневая, но прозрачная, ее сегодня еще никто не замутил. Слева – болото, справа... Да, кажется, справа можно пройти, здесь неширокий, метров в десять, боло-

тистый луг, поросший густой малахитовой осокой, он тянется вдоль лужи и заканчивается там, где дорога выходит из воды. Здесь уже проходили вездеходы, в траве видны заросшие, давние следы от колес. За лугом начинается зеленоватый подлесок, а дальше растут высокие лиственницы. Потоптавшись по лугу, парни разрабатывают план.

– Ну здесь проехать можно...

– Встрянем.

– А чего встрянем, разогнаться вон там на дороге и – покуда хватит газа!

– А потом?

– Веревками, а там и в воду прыгнуть можно, там не глубоко, только бровка высокая, но это ерунда.

– Кто пробовать будет? Леха, ты?

И снова пахнет сожженным сцеплением, горит ферродо. Это испытание на страх, кто меньше боится, тот дальше проезжает, прежде чем завязнуть в торфе, потом мотоциклу помогают веревками. Первым едет Алексей на своем «Урале». Он проходит очень далеко по лугу, соскакивает с мотоцикла и идет рядом с ним, осторожно держа ручку газа, потом, в самом конце луга, он вскакивает в седло, «спрыгивает» на своем тяжелом мотоцикле с бровки в воду, отъезжает на взгорок, глушит мотоцикл и идет за одиночкой. Одиночка хлопот почти не доставляет.

Потом едут Будаев, Рудин, Королев, Мецкевич и, наконец, Андрей Кравчук. Его приходится ждать. Теперь я знаю, почему люди гибнут в тайге, – это происходит из-за безалаберности, самоуверенности и неподготовленности. Они не знают, что провести в тайге месяц, это совсем не то, что выбраться в лес на выходные или съездить в Тальяны за ягодами. Здесь важна не только психологическая подготовка, но и материальная подготовка. И если в первом Андрей Кравчук преуспел, и его олимпийское спокойствие иногда раздражает даже Будаева, то вот по магчасти – не очень. И дело даже не в том, что он пошел вокруг Байкала в старых кирзовых сапогах, которые порвались на следующий день, и которые он каждый вечер зашивал на привале суровыми черными нитками. И дело не в том, что вместо нормальной запасной обуви он взял с собой туфли. Мне, в конце концов, все равно, в чем он будет ходить по тайге, когда сапоги окончательно развалятся. Дело в том, что его мотоцикл оказался самым неподготовленным. У него сношена «собачка» на кикстартере. Он пинает кик, но тот не входит в зацепление с валом коробки передач. Он его пинает, пинает... Этот цирк мы наблюдаем по пятнадцать раз на дню, то есть каждый раз, когда он глушит мотоцикл, или когда тот глохнет сам.

Вот и сейчас все стоят и ждут. Дребезжащий звук пинков по стартеру плывет над притихшим болотом, снова становится слышно, как пищат комары. Будаев тихо матерится. Он кроет дорогу, кроет погоду, достается и Андрею. Наконец кик «схватывает», мотоцикл заводится, и все снова впрягаются в работу. Я иду вперед, смотреть очередную «ванну». Все не так уж страшно, зря стращали нас водители, впрочем, здесь можно хорошо «встрять» на КАМАЗе. Лебедкой зацепиться не за что. Даже самая высокая лиственница не удержит даже легковушку, – деревья здесь тонкие, болезненные, да и есть от чего: из последних сил держаться они корнями за скалу, за камень, слой земли совсем тонкий и там, где он есть, – насквозь пропитан водой. Нам проще, чем водителям грузовиков, – мы можем тащить мотоциклы на руках.

...Самое сложное остается напоследок, здесь болото изрезано следами грузовых автомобилей. Каждый раз они ищут новое место, чтобы проехать. Дважды пройти по одной колее невозможно, – провалишься. Здесь вязну даже я, а сколько во мне весу? Пятьдесят семь кило, не больше! А в начале было шестьдесят три... В колеях стоит вода, я проваливаюсь даже стоя рядом с ними, на бровке. Ой, мамочки...

– Давай-давай! – Алексей гонит одиночку вперед, почти не глядя, без разведки.

Мотоцикл заваливается на бок, я спешу, помогаю поднять «Урал», Алексей заводит мотоцикл, проезжает еще метров пять и засаживает его в жидкую тину передним колесом.

Он встает с мотоцикла и, оскальзываясь, взбирается на бровку. За мотоцикл можно не волноваться, – он настолько увяз в грязи, что стоит и не падает. Я пытаюсь вразумить Алексея, но это бесполезно. Он ненавидящими глазами смотрит назад, в них – полное отсутствие надежды.

– Позвать? Позвать, Леш?

– Дава-а-ай! – хрипит он, подскакивает к «Уралу» и рвет руль вверх.

Одиночка не двигается. Алексей беспомощно топчется, потом снова командует.

– Заднее... Освободим заднее. Тащи! Давай!

Мы с разных сторон беремся за бугель, я стараюсь подцепить маятник, утонувший в жиже, руки скользят. Мы тянем вверх изо всех сил, и я отчетливо слышу, как трещат жилы. Мы почти валимся на кочки от усталости, сидим на корточках, упершись в небольшие сухие островки руками, отдыхаем. Звук мотоциклов приближается, Алексей, снова глянув назад, просит:

– Давай, еще раз, еще попробуем!

И мы рвем «Урал» из грязи снова, и заднее колесо все же приподнимается, но это не самое тяжелое, – самое тяжелое это то, что его нужно переместить еще и вбок. Но грязь держит почище цемента. Колесо с чавканьем снова погружается в болото, брызги летят в лицо...

Алексей сидит на корточках у мотоцикла и смотрит перед собой.

– Ладно, иди, – прогоняет он меня. – Иди вон, на дорогу, без тебя вытащим.

Я ухожу с чувством вины за то, что ничем не могу помочь, мотоцикл весит больше нас обоих в два раза. Да нет, уже больше... С таким же успехом мы могли бы стараться вырвать из земли дайку¹¹. Результат был бы одинаковый.

От «ванн» прогоняют не только меня, прогоняют и Юрку. Юрка не разговаривает со мной, он зорко смотрит за отцом. Мы вдвоем, но не вместе, торчим на дороге, кормим комаров. Когда мне это надоедает, я развожу маленький костерок из щепочек и сухого мха. Странно, но сухого мха полно на этом болоте. Дымок окутывает меня невесомым облаком, которое поднимается вверх и быстро развеивается. Мне приходится снова и снова подкидывать в огонь мох и траву. Юрка уходит в лесок, но буквально через минуту выскакивает обратно. Его лицо мертвенно-бледно, он широкими глазами смотрит на подбежавшего отца. Он наступил на зайчонка. Да, я его понимаю, здесь может до смерти напугать все, что угодно, даже зайчонок! Вадим припадает к ручью, бегущему прямо по дороге, и пьет из него, как волк.

Наконец все мотоциклы в сборе, парни отдыхают. Будаев раздает каждому по сухарю. Я кусаю железный сухарь и жую. Слюны нет, а сухарь на вкус такой же, как и на вид, – отдает железом. Я даже есть не хочу, без еды как-то легче. Вот только вкус во рту омерзительный и голова болит.

Мы снова едем и едем, и едем. Нам то приходится ждать Андрея и его «зауросивший» мотоцикл, то ломается кто-нибудь из парней, то дорогу пересекает река. Слава Богу, здесь нет глубоких речек, каменистые русла ненадолго задерживают группу. К вечеру становится даже жарко, а мне в черной куртке и в черном шлеме и вовсе – не вмоготу. На одном из бродов группа уходит вперед, остаемся только мы с Алексеем и Будаев. Алексей смотрит на меня, сует руку в карман кителя и вытаскивает серый от грязи платок.

– Возьми.

Оказывается, у меня носом идет кровь. Я ложусь на спину прямо на камни, прижимаю намоченный в ледяной воде платок ко лбу, шмыгаю носом. Будаев смотрит на меня и с укором качает головой, сетуя на очередную задержку.

Через пять минут я на ногах...

Надо ехать. Надо.

¹¹ Дайка – геологическое образование, залегающее вертикально, может уходить в глубину на десятки, а то и сотни метров.

На ночевку мы останавливаемся перед неприветливой шумной рекой. Она течет под уклон из глухого медвежьего угла и отличается от тех небольших ясных речек, которые мы штурмовали весь день. Здесь тихо и сумрачно, русло реки загромождено топляком, его гладкие скелеты белеют в подступающих сумерках. Кругом стоит и чего-то ждет тайга.

Будаев съезжает вправо от дороги, – здесь отсыпанная гравием, ровная площадка. С одной стороны ее огораживают разросшиеся прибрежные кусты, с другой – огромная куча гравия. Это даже не куча, это целый холм. Сколько лет прошло с той поры, когда его насыпали? Почти семьдесят. Но до сих пор это место не заросло, до сих пор раны, нанесенные тайге, живы. Темнеет так быстро, что я уже ничего не могу рассмотреть. Небо затянуто низкими чернотелыми тучами. Я выбираю место, и мы снова торопливо раскидываем палатку. Меня пугает близость кустов.

– Пожалуйста, Алеша, пожалуйста, давай поставим одиночку с той стороны... – прошу я, боясь, как бы он не отказал, – он слишком устал, чтобы исполнять мои прихоти. Но, видимо, ругаться со мной у него тоже нет сил, и мы вдвоем перекатываем одиночку. Теперь палатка стоит между мотоциклами.

– Мыться пойдешь? – спрашивает он, я киваю в ответ, скидываю лишнюю одежду, беру полотенце.

Мы не мылись уже много дней. Запах невыносимый. Алексей достает из коляски котелок.

– Нет, я х... ею! – раздается возмущенный рев, когда мы направляемся к броду. – Я, б... ть, тут жратву варить буду, а эта везде мыться будет!

Я замираю на месте, какое-то время уходит на то, чтобы понять, что он сказал «везде», а не другое слово. Алексей берет меня под локоть, это движение защиты и, одновременно, сдерживания. Он молчит, но всем своим видом приказывает мне не лезть в свару, которую затекает Мецкевич. На мгновение на площадке становится тихо, лишь слышен грохот реки за кустами, шорох листвы и шелест ветра в ветвях ближайших деревьев. Я не вижу отсюда ни выражения лица Мецкевича, ни выражение лиц Будаева, Юрки и остальных. Мецкевич стоит, широко расставив ноги, руки упираются в пояс, концы завязанного на голове цветистого платка-банданы пиратски развеваются на ветру. Он готов к бою. К бою со мной. Ему нужна только команда Будаева. Но Будаев молчит. Мгновение, когда можно было кинуться в драку, проходит. Значит, можно идти. Под ногами Алексея хрустит галька, он так же молча увлекает меня к реке, я тащусь следом. Мы уходим довольно далеко по другому берегу, так что лагерь совсем не видно. В сумерках нас обступают лунно-белые стволы осин.

Я зачерпываю в котелок холодной воды, быстро скидываю с себя всю одежду и поливаю на себя, от холода тело покрывается мурашками. Я смываю с себя пот вместе с комарами, которые моментально облепляют тело.

– Да давай быстрее, че возисся? – шипит Алексей, когда он волнуется, то невольно переходит на забайкальский говор. Он чутко всматривается и вслушивается в сторону лагеря, не идет ли кто.

Ну это уже чересчур! Что они, совсем, что ли, спятили? Я не верю в это, но все же одеваюсь быстро, не вытираясь. Потом наступает очередь Алексея. Я поливаю ему на облепленную комарами спину, ежусь от новых укусов. Нет, так все же легче, чем не мыться, хоть бодрость какую-то чувствуешь... Хотя не надолго. Чтобы хватило сил вернуться в лагерь и лечь спать.

В темноте на площадке уже горит костерок. Они встали в отдалении, мотоциклы поставили вокруг костра. Сегодня они не будут ставить палатки – неохота. Они просто натянут между мотоциклами пленку, кинут на землю коврики и заснут прямо в одежде.

Пока я расстилаю спальные, Алексей уходит за дровами. Меня все еще трясет от выходки Мецкевича. Так больше продолжаться не может. Я больше не хочу ехать с ними. Не хочу! Завтра мы выйдем на Срамную, пройдем по ней два километра, а там – рукой подать до Куморы. Лучше рисковать и ехать в одиночку, чем с такими друзьями.

Я не дохожу до костра метров десять.

– Спартак!

– Чего?

– Поговорить надо...

Будаев неторопливо, с достоинством подходит ко мне. Руки в брюки, нижняя губа чуть поджата, глаза прищурены, – так он внимательно приготовился слушать. От волнения я начинаю заикаться, и первое слово дается мне с трудом. Спартак натужно вслушивается в мою речь.

– С-с-слушай, Спартак, мы... Ну, когда выйдем, мы с вами больше не поедем.

– А куда поедете? – у него заходили желваки, и он смотрит на меня ненавидящими глазами. Этот взгляд трудно выдержать, но надо.

– Мы... Просто я все равно не успеваю за вами, уж лучше мы сами... – голос у меня предательски прерывается, и я ненавижу себя за слабость.

Он думает несколько секунд.

– Ну это че получается, мы вас бросаем?

– Но нам-то будет легче, зачем нужна нервотрепка, и вам тоже проще, нас ждать не надо, – помогает мне подошедший Алексей.

– Лады... – Будаев широкими шагами уходит к костру. Он взбешен.

Мы смотрим ему вслед.

– Зря ты сейчас об этом... – говорит Алексей.

– Не удержалась, – я безнадежно машу рукой, что сделано, то сделано.

Алексей приносит большую миску с гречневой кашей.

– Тут на двоих. На ложку, ешь!

– Не хочу! – я отталкиваю дымящуюся миску. – Не буду! Пусть они подавятся своей кашей! Я вообще есть не хочу!

И в самом деле, есть я не хочу совершенно, и даже щекочущий ноздри аромат гречки с тушенкой не пробуждает аппетит. Я бы лучше поспала.

– Ты не упрямясь, – шепчет Алексей. – Ись надо! Как так, не ись? Откуда силы возьмешь?

Силы мне нужны. Я насильно запихиваю кашу в рот, глотаю. Снова запихиваю, снова глотаю. Не хочу.

– Ешь остальное, я больше не буду.

Алексей укоризненно вздыхает. Он доедает все, до последней крошки.

Костерок уже еле мерцает в подступившей темноте, в лагере становится тихо. Наверное, мы забрались в самое дикое место заповедника. По кустам стреляет серый, как привидение, заяц. У него длинные, тяжелые прыжки, он косится на костер и исчезает в кустах. Отправившийся погулять Алексей возвращается удивленный, – на дороге столбиком сидит и смотрит на костер крупный соболев. Он даже не реагирует на появление Алексея. Тот возвращается к палатке притихший и словно присмиривший. Наконец-то можно завалиться спать. Я проваливаюсь в темноту, едва коснувшись щекой жесткой косухи, которая служит мне подушкой.

Я просыпаюсь среди ночи в кромешной тьме от того, что за палаткой кто-то ходит. Кто-то очень большой и очень тяжелый. Шаги медленные, но какие-то мягкие, под ногами отчетливо скрипит гравий. Топ-топ... Топ-топ...

– У-ф-ф, у-ф-ф, у-ф-ф! – слышу я тяжелое дыхание.

На какую-то долю секунды я думаю, что это кто-то из парней, но тут же понимаю, что это не они. Шаги слишком грузные и медленные. Если бы кто пошел ночью по нужде, он бы так не расхаживал!

– Медведь!.. – ошалело понимаю я. – Это медведь...

Наверное, надо было кричать, звать на помощь, будить Алексея, выглянуть из палатки и посмотреть, – а действительно ли это медведь? Но я просто засыпаю, как проваливаюсь. Да плевать я на все хотела, что мне медведь, в самом деле...

Листвянка

(1999 год, весна)

...Это был странный сезон, мое первое лето, когда я ездила на мотоцикле сама. За зиму я все забыла, и Алексею пришлось учить меня заново. Не понимаю, как он не боялся ездить со мной «вторым номером». Моим коронным трюком было тихонько подкрадываться к перекрестку на зеленый сигнал светофора, гадая: успею или не успею, и подъехать к пересечению улиц в тот самый момент, когда зеленый фонарь начинал мигать, показывая, что буквально через секунду загорится желтый, а то и вовсе, красный, – это уж зависело от регулировки светофора. Тут в меня словно бес вселялся. Я откручивала ручку газа и с воем и бибиканьем в самый последний момент вылетала на перекресток перед уже стартующими автомобилями. В повороте я переключалась на более высокую передачу, от чего Алексей вцеплялся в спинку, и мотоцикл, набирая скорость, проносился в миллиметрах от капотов и крыльев машин. Помоему, многие водители Ангарска в тот сезон запомнили мотоциклиста на ярко-синем «Урале» в красном шлеме. А что, собственно говоря, от меня можно было ожидать? Я ничего не видела в громадном китайском шлеме-интеграле, он, словно шоры, сужал поле зрения. Кроме этого, он был очень тяжелым и однажды, попав в ухаб, я услышала, как хрустят шейные позвонки. Не могу сказать, что мне понравился этот звук! Хромированные зеркала, которые Алексей установил мне на мотоцикл, все время отворачивались, так что их приходилось поправлять, а то и завинчивать на ходу рукой, с коробкой передач я еще не дружила, глохла на перекрестках, забывала открыть краник на бензобаке, в общем, была позором всего байкерского сообщества.

Я очень боялась, что гаишники быстро смекнут, что «Урал» у меня «вне закона», без коляски, и заберут его на штрафплощадку. Но они остановили меня несколько раз в начале сезона, с усмешкой осмотрели с ног до головы, убедились, что с документами у меня все в порядке, и больше не трогали, наверное, считая, что с этой «ненормальной» на «Урале» штрафы брать грех.

Это был сезон падений, или, как я поэтично называла, «полетов» с мотоцикла. Сезон можно было бы озаглавить так: «Как я летала с «Урала». Падение следовало за падением. Через неделю после того, как я села в седло, я поняла, что больше в юбке мне не ходить, – ноги отливали синевой всяческих оттенков, потому что тяжелый оппозит меня не слушался, не желал останавливаться там, где хотела я, и все время норовил упасть: когда я садилась на него, когда трогалась, когда ехала и когда останавливалась. Мотоцикл спасали дуги безопасности, меня же спасать было нечему. Мне, безалаберной, торопливой и несобранной приходилось учиться быть внимательной и сосредоточенной. Я забывала по сто раз на дню одно и то же, какие-то самые примитивные вещи: убрать подножку, открыть краник, включить ближний свет, не забыть выключить поворотник на дороге.

Первое падение было самым страшным – своей неожиданностью, внезапностью. Я испытала странное недоумение, растерянность и смущение. Мне показалось, что мотоцикл вдруг взбесился.

В этот день мы с Алексеем собрались в первый раз съездить на Байкал, в Листвянку. Алексей там был не раз, а я – не бывала. Мы договорились, что он пригонит мотоцикл под окна моего дома, но что до Иркутска поведу я. В назначенное время я услышала звук знакомого двигателя, через минуту – звонок в дверь, и на пороге появился Алексей.

– В этот раз ты все делаешь сама, – сказал он, когда мы спускались вниз. – Все – от начала и до конца. Вот ключ. Действуй.

Чтобы выехать из квартала, нужно было съехать с места и развернуться. Ничего сложного. Я решила, что сперва я развернусь, а уж потом Алексей сядет на заднее сидение. Я

взяла ключи, открыла бензокран, несколько раз нажала на кик, повернула ключ в замке, чуть прикрыла воздушную заслонку и топнула. Мотоцикл завелся. Алексей одобритительно кивнул. Я села, поддала газу, съехала с места и начала разворачиваться. Вот тут-то он и взбесился. На самом деле падала я быстро, и все же как-то слишком медленно, в полете мое сознание успело запечатлеть кучу всяких мелочей: сперва я ударилась об асфальт бедром, потом – плечом, потом меня развернуло на спину и я наконец оттормозилась шлемом. «Урал» со скрежетом упал рядом. В момент падения крышка с бака сорвалась, и бензин хлынул на меня, заливая кожаные брюки и ботинки. Упав на бок, мотоцикл не заглох, а продолжал, как ни в чем не бывало, работать. Сообразив, что в любой момент я могу вспыхнуть, как факел, я рванулась к «Уралу», вскочила и, подбежав к нему, выключила зажигание, повернув ключ. Меня било в ознобе от боли и пережитого страха. Сильнее всего я ударилась левым бедром, даже сквозь кожаные перчатки немного ободрала ладони, но это уже были мелочи, это было не в счет. Алексей подскочил, когда я уже стояла, держась за ногу и сжимая зубы. Какой—то мужчина гулял с собачкой у среднего подъезда соседнего дома и с любопытством поглядывал на нас. Это меня разозлило. Мы подняли мотоцикл.

– Ты забыла отомкнуть руль, – пробормотал Алексей.

– Да я же его не замыкала, поэтому и не отомкнула! – заорала я что есть мочи, – Как я могу помнить что—то, если я этого не делала! Мне же и в голову придти не могло, что ты его замкнул...

– Ну все, теперь ты никогда на него не сядешь... – сказал он совсем упавшим голосом. Эти слова разозлили меня еще больше.

– Ага, сейчас, не сяду! – я завела мотоцикл одним пинком, лихо оседлала его и крикнула, – Садись!

Я доехала до Иркутска за пятнадцать минут. Перед самым городом остановилась, слезла, походила возле мотоцикла. Алексей виновато молчал, я тоже ничего не говорила. Мы поменились местами. Пока ехали через Иркутск, я немного остыла, да и боль поутихла, а за Иркутском стало просто интересно – ровная, хотя и узкая скоростная трасса летела то вверх, то вниз, выписывала незамысловатые повороты, и я не заметила, как хорошее настроение вернулось.

– Хочешь за руль? – спросил Алексей, когда мы остановились, чтобы согреться.

– Ага... – я была не уверена, а не уверен, говорят, не обгоняй. Но мне пришлось.

Как только я села за руль, на моем горизонте возник грейдер. Он мирно плелся свои тридцать километров в час, и его нужно было обойти. Дорога была пустой, и я уверенно пошла на обгон, но как та ворона, не вовремя призадумалась, заметив сплошную полосу. Я ведь правила зачем—то зубрила? Зубрила! Значит, их нужно применять на практике. Идти на обгон нельзя!

– Ты что творишь? – спросил меня Алексей, который приказал мне остановиться. – Ты почему его не обошла? Там же никого не было!

– А там была сплошная полоса, да и мост какой—то притом, – гордо заявила я.

Алексей постучал по лбу.

– Садись и обгони его!

Я села и поехала обгонять грейдер. Догнала я его быстро, – желтое чудовище, торча в створы всеми своими приспособлениями, неторопливо тарахтя движком, карабкалось в горку. Ехало оно со скоростью не больше двадцати километров в час, я пристроилась сзади, посмотрела на встречу, убедилась, что сзади никого нет, и рванула на обгон. Я вылетела на встречную полосу, поравнялся с грейдером, переключилась на третью и открутила ручку газа, ожидая невиданной мощи от мотоцикла. Но он внезапно чихнул, заглох, завилял, и мы свалились на бок, благо, скорость наша к тому времени не превышала и пяти километров в час. Поднявшись, я глянула вперед, – из—за поворота в любой момент могла на скорости выскочить машина.

– Тащим! – скомандовала я, и мы оттащили оппози́т на обочину.

Алексей снял шлем и захохотал. От ветра его разрумянило, глаза блестели.

– Он, наверно решил, что мы пьяные вдупель, – закричал он мне. – Это надо же, грейдер обогнать не можем! Блин, ну точно! Два пьяных колхозника на «Урале»!

Я хотела обидеться, но не выдержала и тоже засмеялась.

Грейдер мне удалось обогнать в третий раз. Все было, как положено: прерывистая линия не давала повода для сомнений, а встречная полоса была пустой.

Чем ближе мы подъезжали к Байкалу, тем холоднее становилось, потом деревья вдруг остались позади, а мотоцикл оказался на узкой дороге между горой и отбойником. Мне все время казалось, что туристические автобусы, которые шли навстречу, вот-вот наедут на меня, и я постоянно маневрировала, стараясь не попасться им под колеса. Байкал я не видела, потому что все время смотрела только на дорогу. Сбоку виднелось что-то голубое, волнующее, искрящееся, свежее, молодое и давно уже состарившееся, славное, священное, в общем, самое разное при разной погоде и для разных людей. Местные тетki продавали на причале омуль: соленый, копченый, горячий, сушеный... От нагретых сопok шло тепло, которое тут же смывало с тела прохладным ветром, дувшим с моря. Я завершила наше путешествие изящным пируэтом возле черного новенького «Лэнд-Крузера» на набережной и остановилась. Алексей вытер пот.

– Я думал, ты сейчас в него въедешь, – сказал он мне, на что я беспечно ответила:

– Не боись!

А потом мы ели омуль, смотрели на мощный прибой, который размеренно бился о камни набережной, наблюдали за вспотевшими авто туристами, которые в светлых маечках и шортиках вырывались из горячих салонов машин, чтобы хоть чуть-чуть подышать свежим байкальским воздухом. Дамочки смотрели из-под руки вдаль и фотографировались на фоне старенького парохода, притулившегося у причала, мужчины, завидев нас, разворачивали плечи и сразу становились более мужественными. Нам не хотелось думать, что они принимают нас за местных, и мы вызываем одно лишь желание – защитить от нашего присутствия своих жен и дочерей, мы решили, что они нам завидуют. Да так оно и было, в самом деле! А никак иначе и быть не могло!

Дорога обратно была мучительной: я устала, ехала медленно, Алексей то и дело шипел, чтобы я ехала быстрее, но этого я сделать не могла, потому что, смотрите выше, я устала. Когда мы приехали домой, и я стянула с себя кожаные штаны, чтобы развесить их на балконе для проветривания, потому что они на всю квартиру воняли бензином, я увидела уже черную, налившуюся гематомой ногу.

– Может, «скорую» вызвать? – спросил дрогнувшим голосом Алексей.

– Ага! Они мне приедут зеленкой намазать! – фыркнула я.

Ночью я узнала, что такое «асфальтовая болезнь» – меня «ломало», тошнило, болело все тело, нога горела огнем. Я никак не могла устроиться так, чтобы было полегче. На узкой тахте мне и одной бывало тесновато, а тут еще Алексей решил остаться ночевать. При этом спал он, как убитый, и разбудить его мог только звонок будильника в шесть тридцать утра. Когда я все же растрясла его, он бессмысленно глянул на меня своими синими зенками и, сказав:

– Ну а я-то чем помочь могу... – снова уснул.

Я скрипела зубами, пила цитрамон и мазала ногу всем, что было в аптечке. Уснула я только тогда, когда Алексей утром ушел домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.